

Влада Ольховская

Сектор Фобос

РЕГУЛ

Книга 1

Сектор Фобос

Влада Ольховская

Регул. Книга 1

«Влада Ольховская »

2026

Ольховская В.

Регул. Книга 1 / В. Ольховская — «Влада Ольховская »,
2026 — (Сектор Фобос)

На территории космических аномалий выжить можно только на мобильной станции, давно сбившейся с пути. Но даже ее защита больше не гарантирована: система повреждена, среди людей начинаются споры в момент, когда следовало бы объединиться, да и где-то совсем близко притаилось то, чему нет ни названия, ни объяснения. Все это становится серьезным испытанием для «Виа Ферраты», а очень скоро экипажу придется ответить на невероятный в Секторе Фобос вопрос: что, если пустота, которая их притягивает, уже кем-то занята?

© Ольховская В., 2026

© Влада Ольховская , 2026

Содержание

Часть 1. Бьется сердце корабля	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Влада Ольховская

Регул. Книга 1

Часть 1. Бьется сердце корабля

Умереть он планировал намного раньше, а потому до сих пор не мог толком определиться, что же делать с внезапно доставшимся ему продолжением жизни.

Натаниэль Риверти совершенно четко представлял свою главную цель: убить родную мать. Звучит не очень героически, конечно, но не всем же убивать драконов! Впрочем, те, кто знаком с его матерью, наверняка указали бы, что от драконов она отошла не так уж далеко.

Убийство матери нигде не поощряется, а уж если мать эта – уважаемый на межпланетном уровне ученый, скандал предстоит соответствующий. После такого в живых не оставляют, и интрига заключалась лишь в том, казнят Натана сразу или отправят за решетку, а потом все равно казнят.

Когда выяснилось, что охоту за матерью придется перенести в космическое пространство, он поначалу не особо об этом раздумывал. Какая разница, где? Увязаться в научную экспедицию за уважаемой Идой Толладоттир было настолько сложно, что Натан сосредоточил все усилия на этом. Лишь оказавшись на борту, он начал вникать в подробности – а что, собственно, за экспедиция такая?

Оказалось, что его мать, даже не зная о потенциальном отмщении, рисковала собственной жизнью добровольно и без особых сомнений. Ради науки она готова была на многое, это ж не сына растить! Вот и теперь она отправилась в Сектор Фобос, на территорию смертельно опасных космических аномалий, о которых у человечества было лишь смутное представление. Официально считалось, что экспедиция пробудет там десять лет и благополучно вернется на Землю. Но все понимали, что уцелеть среди неизведанного получится далеко не у всех. Так что к вариантам потенциальной смерти Натана прибавился еще и третий: сгинуть в Секторе Фобос совершенно случайно.

Он все равно не остановился. Не только потому, что разобрался в миссии уже после того, как станция начала движение. Просто он не представлял, что ему делать дальше, как справиться с жизнью, которую испоганили в первые же годы. У него отняли право на все ключевые решения, и на этом фоне ему почему-то казалось вполне логичным устроить охоту на ту, с кого начались его беды.

Логика была сомнительной в чистом виде, а Сектор Фобос отказался признавать даже ее. Станция, на которой они все путешествовали, сбилась с маршрута в первые же дни, угодила в кротовую нору, оказалась непонятно где... А дальше становилось только сложнее.

Вот тогда Натан по-настоящему растерялся. Не только потому, что собственная месть смотрелась какой-то мелочной и жалкой на фоне грандиозных событий, разворачивающихся в космосе. Дело было еще и в том, что ему совершенно не хотелось мстить. Узнав свою мать получше, он понял: раскаиваться и извиняться она точно не будет. Если на нее надавят со всех сторон, она может изобразить раскаяние, но это максимум, на который она способна.

Натан запаниковал, действовал импульсивно. Он понял, что идеального момента для мести не будет, и просто подстраивался под ситуацию, решив, что даже смерть хуже затянувшегося ожидания и сомнений. Он допустил, что, как только он начнет действовать, появится хоть какая-то ясность, и проблема решится сама собой.

Конечно же, не решилась. Но когда ему вообще везло? Сам того не желая, Натан чуть не погубил станцию. Ему все равно удалось рассказать, кто он такой и почему оказался здесь, новость об этом дошла до его матери и... Случилось именно то, что и должно было: ничего.

Пожалуй, даже если бы Ида устроила истерику, кричала на него и проклинала, стало бы чуть легче. Но она смотрела на него, как на очередного космического паразита, непонятно как пробравшегося на корабль. Потом Натан узнал, что она все-таки требовала его заточения, однако даже это она не удосужилась сделать в его присутствии.

Не было больше ненависти, не было даже горечи, осталась лишь пустота. Натан равнодушно ожидал, когда же его накажут. Тюремь как таковой на «Виа Феррате» не было, и особо опасных преступников помещали в состояние искусственной комы. Впрочем, сейчас, когда они потерялись в Секторе Фобос и вынуждены были действовать еще осторожней, Натан по-прежнему рассматривал казнь как один из допустимых вариантов.

Но ему не сделали ничего... Ну, почти. Ему запретили покидать территорию ферм, заставили носить следящий браслет, однако на этом наказание закончилось. Натану разрешили вернуться к привычной жизни, той самой, которая стала ему дороже мести. Он ничего не понимал... Тогда он и решил просто двинуться по течению. У него больше не было некой глобальной цели, он проживал день за днем.

Возможно, если бы в покое прошло больше времени, он успел бы прийти в себя, определился бы, что делать дальше. Однако времени ему как раз не дали: Натан, как и все на борту, стал жертвой существа, тайно пробравшегося на станцию и погрузившего экипаж в коллективную иллюзию.

Натан не очень хорошо помнил, что с ним происходило там. Он уже уяснил, что тут у всех по-разному. Кто-то запомнил события идеально, так, будто они произошли в реальности. Кто-то, как он, вспоминал произошедшее как далекий сон – важный в моменте, но потерявший значение с наступлением утра.

Главным для Натана было одно: там, в иллюзии, он не был счастлив. Позже ему объяснили, что существо пыталось заставить своих жертв расслабиться, прекратить любое сопротивление, поэтому и создавало для них жизнь мечты. Однако то ли у Натана не было никакой мечты, то ли он хуже поддавался внушению, а пробуждение не принесло ему ощущение «потерянного рая». Напротив, он был рад вернуться в реальность, иллюзия для него оказалась связана с тревогой и беспомощностью.

Нельзя сказать, что он достиг момента, после которого живут долго и счастливо. Нет, Натану пробуждение принесло горе: он обнаружил, какие потери понесла ферма. Существо, захватившее станцию, контролировало только людей. С животными все обстояло сложно: кого-то оно убило сразу, кого-то не тронуло, но звери, оказавшиеся без присмотра, погибли сами. Так что в первые сутки после того, как все закончилось, Натан не пытался выяснить все подробности случившегося, он помогал, кому мог, и переносил в один загон мертвые тела.

Он не покидал ферму не потому, что ему это не разрешалось по закону, а потому, что у него и тут работы хватало. Он отстранился от основной станции, он пытался кое-как восстановить свой маленький мир. Однако ему не позволили сосредоточиться на этом: к нему пришла лично адмирал Елена Согард. А когда к тебе обращается глава станции, ты не выпендриваешься, рассказывая, что у тебя есть дела поважнее, ты смиренно слушаешь.

Вот и Натан приготовился слушать. Только началось все не со слов – началось с браслета, который один из солдат по приказу адмирала снял с ноги Натана.

– Это зачем? – растерялся Натан.

– Станции требуется ваша помощь, – пояснила Елена. – И на этот раз не только как фермера.

Она не стала уточнять, какая именно роль интересует «Виа Феррату», но как будто так сложно угадать! Натану сразу сказали, что оставляют его на свободе не только потому, что за фермой больше некому следить. Его предупредили, что однажды его навыки хакера могут понадобиться.

Только вот он не ожидал, что это «однажды» наступит так скоро! С чего бы? У станции есть целый компьютерный отдел, да и убийца этот, Гюрза... Натану доводилось видеть созданные им программы. Вот кто точно в помощи не нуждается!

Но Гюрзы поблизости не было, а адмирал явилась на ферму лично. Это как минимум интриговало.

– Я не буду скрывать: станция в очень тяжелом положении, – продолжила Елена. – Вам ведь известно о захвате, произведенном инопланетной формой жизни?

– Мне рассказали основы...

– Хорошо, тогда повторять их не буду, но и основ тут не хватит. Это существо интересовалось только людьми, окружающее пространство было ему безразлично. Увы, безразличие не означало, что оно вообще ничего не тронет. Для того, чтобы добраться до своих жертв, существо пробивало любые преграды. Это серьезно повлияло на все системы станции. Добавьте к этому то, что некоторые сложнейшие программы два дня оставались без надзора, и сможете представить полную картину.

– Чем я могу помочь? – спросил Натан.

– Проблемы сейчас везде. Лично вы займетесь восстановлением системы, которая связывает управление двигателями с центральным компьютером.

– Я?..

Вопрос вырвался до того, как Натан успел сообразить, что говорит. И это было еще сильно преуменьшенное проявление удивления с его стороны! Нет, он понимал, почему к нему обратились. Но не забывал он и о том, что на «Виа Феррате» считается преступником, невольным террористом, несостоявшимся убийцей. Если такого и привлекут к работе, то в команде и под надзором.

Однако задание, которое собиралась поручить ему Елена, было сложнейшим – и командной работы не требовало, такие коды всегда пишет один человек. Так не преступник же! По сути, в руках у Натана оказывался грандиозный объект для шантажа... Если он перепишет коды под единоличное управление, он станет незаменим для станции, сможет диктовать условия... Не то чтобы он собирался это сделать – но все же! Только Натан знал свои намерения и приоритеты наверняка, Елене они были неизвестны. Вот он и не мог поверить, что адмирал позволила себе такую беспечность.

Не зря, кстати, не мог: она и не позволила.

– Боюсь, это не тот случай, когда я имею право быть разборчивой, – невозмутимо пояснила Елена. – Да, у нас изначально хватало сотрудников с соответствующей квалификацией. Но не все они пережили захват корабля. Многие погибли, некоторые оказались в реанимации, и прогнозы наши медики пока не делают. Те, кто остался на ногах, тоже чувствуют себя по-разному.

Натан понимал, о чем она. Он тоже проснулся не в лучшем состоянии! Существо, захватившее людей, погибло, однако не всем удалось избавиться от мертвых клеток его тела, оказавшихся внутри жертв, в том числе и в тканях мозга. Медики быстро раздали им набор препаратов, призванных обеспечить выживание в ближайшее время. Но дальше многих ожидало серьезное лечение, зависевшее от того, насколько сильно им досталось.

И в этом плане Натану как раз повезло: спустя несколько дней после пробуждения он чувствовал себя отлично, остались лишь поверхностные раны, на которые опытный фермер и внимания не обращал. Да, если принять это во внимание, выбор Елены становится очевидным...

– Я вас не подведу! – поспешно пообещал он.

– Хочется верить.

Судя по сухому тону, Елена приняла его слова за попытку выслужиться, да Натан и сам признавал, что прозвучало даже слишком эмоционально. Оправдываться он не собирался, он-

то правду знал... Ему было не важно, что о нем подумает адмирал, наградят его или нет. Просто в этом задании он увидел первую большую цель – с тех пор, как он потерял предыдущую.

Эта цель нравилась ему куда больше. Натан знал, что многие до сих пор злятся на него из-за того, что он подверг станцию серьезной опасности. Теперь он мог это исправить, доказать, что он – не угроза, он уже прижился здесь, нет смысла его бояться... Да, работать с незнакомой программой было страшновато, однако отступать он все равно не собирался. Главным преимуществом его изгаженного детства было то, что Натана научили очень быстро разбираться в любых технологиях.

Так что на ближайшие часы он засел в одном из пунктов управления центральным компьютером. Сначала солдаты еще крутились рядом – вряд ли по приказу Елены, скорее, проявляли инициативу. Потом они сообразили, что ничего зрелищного тут не произойдет, а даже если Натан затеет пакость, они этого не поймут. Они все-таки ушли, потому что солдат, способных выполнять свою работу, тоже было немного.

А Натан остался. Его одиночество нисколько не волновало: он ушел в работу, сосредоточился на процессе, он не замечал ничего вокруг. Мир просто перестал существовать, были только он и программа, которую нужно наладить. Понятно, что существо в коды вообще не лезло, не могло просто. Но оно действовало с грацией гориллы, которой кто-то дал гранатомет: оно уничтожило столько микросхем, что программа при попытке адаптироваться сама себя загнала в виртуальную шизофрению.

Это сказалось на всех системах, но Натана сейчас больше всего волновало то, что «Виа Феррата» движется бесконтрольно и непонятно куда. Адмирал сказала, что приоритетная задача – остановить станцию или хотя бы снизить скорость. Но Натан планировал больше: он хотел вернуть управление к тому состоянию, в котором оно было до атаки.

Первую паузу он позволил себе лишь спустя много часов после того, как сел за компьютер. Голова немного кружилась – не из-за последствий травмы, после сложной работы так и раньше бывало. Онемевшее от неподвижности тело пульсировало тупой болью, будто желая намекнуть мозгу, что кое-кто – безответственная скотина. Натан все равно ни о чем не жалел, он смотрел на экран с довольной улыбкой. Получилось же!

Или почти получилось. Натан не сомневался, что все исправил, вернул систему к первоначальному состоянию – а это, с учетом всех обстоятельств, было серьезным достижением! И все было бы идеально, если бы не двигатель номер пять.

Этот двигатель на систему не реагировал вообще. Точнее, вроде как реагировал – но то, что показывал компьютер, не сочеталось с тем, что Натан наблюдал в реальности. Система показывала, что двигатель заглушен, так же как остальные, но он продолжал работать. Натан попробовал действовать от обратного, увеличил мощность, чтобы добиться хоть какой-то реакции. Не помогло и это: двигатель сохранял прежние показатели, тогда как система заверяла оператора, что все сделано как надо, никакой ошибки нет.

Так не могло быть ни при каком раскладе. Да, Натан раньше не имел дела со стационарными двигателями, особенно обладающими собственными реакторами. Так ведь это и не важно, принцип работы един! Либо система принимает команду и выполняет ее, либо не может выполнить и оповещает об ошибке. Здесь же получилось нелепое сочетание: при откровенном отклонении команды компьютер делал вид, что все в порядке, прямо-таки отлично, спасибо за ремонт!

Натан еще некоторое время помучался возле пульта, потом все-таки сдался, понял, что через центральный компьютер ничего уже не исправит. Ему нужно было идти прямо к двигателю, там, судя по чертежам, располагались независимые блоки управления как раз на случай захвата станции или иной крупной катастрофы.

Только вот податься туда в одиночестве Натан не мог, для этого недостаточно снять с ноги браслет, в эту зону кого попало не пускают. Ему требовался сопровождающий, причем

не простой механик, а кто-нибудь из руководства. Натан не знал, как связаться с местными боссами официально, поэтому просто влез в систему видеонаблюдения и посмотрел, кто сейчас достаточно близко.

Достаточно близко оказалась Мира Волкатия, и это хорошо. Натан не был знаком с ней, он даже невольно доставил ей серьезные неприятности во время своей диверсии. Но он слышал, как о ней говорили другие механики, да и знал, что она сделала на станции. На этом фоне распространяющиеся слухи о том, что она на самом деле кочевница, Натан предпочитал игнорировать.

Когда он искал Миру через камеры, она была в коридоре одна. Но когда он добрался до нужной точки, Мира свернула в сторону, в комнату наблюдения, и о чем-то беседовала там с пилотом, Рино де Бернарди. Голос никто из них не повышал, напротив, они старались говорить тихо, однако даже так несложно было догадаться, что разговор не нравится ни одной из сторон.

Обычно Натан предпочитал не вмешиваться в личные дела сразу по многим причинам, а тут он просто не имел права уйти или слишком долго ждать. Он подошел к двери и постучал по металлу, привлекая внимание говорящих.

– Госпожа Волкатия, – позвал он.

– Мира, – автоматически поправила она. – погоди, ты же тот хакер, которого отправили чинить компьютер в рамках исправительных работ?

– Это я, – кивнул Натан. – И я как раз поэтому...

– Не буду вам мешать, – объявил Рино.

Мог бы и остаться, кстати, тоже ведь не случайный человек на станции – все пилоты изучают строение большинства типов двигателей, это входит в обязательную программу. Однако Рино не стал даже выяснять, о чем пойдет разговор, он покинул комнату и быстрым шагом направился вниз по коридору.

Натан опасался, что Мира сейчас выместит на нем плохое настроение, явно же у них тут какие-то романтические разборки! Но даже если так, она умела отделять профессиональное от личного, к Натану она по-прежнему обращалась вполне спокойно.

– Так чего ты хотел?

– Мне нужен доступ к пятому двигателю.

– Зачем?

Следующие минут десять пришлось потратить на нелепый спор. Когда Натан все-таки объяснил собеседнице, что происходит, она выдала ему полный набор аргументов, королем которых был «Ну так же не бывает!»

Натан понимал, что это она не из-за вредности или даже глупости. Мира думала о том же, о чем и он – и о чем думал бы любой человек, хотя бы отдаленно знакомый с работой компьютерных программ. На фоне всего этого Натан представал полным дураком, который просто неверно распознал проблему, а теперь ходит, приличных людей от любовных утех отвлекает! И ему нечем было оправдаться, не было способа доказать, что все именно так, как он сказал. Ему оставалось надеяться лишь на то, что Мира предпочтет поверить ему.

И она поверила. Вряд ли из симпатии или уважения к его авторитету – не было у него никакого авторитета в ее глазах после того, как она по его вине чуть не погибла на необитаемом спутнике. Но Мира наверняка вспомнила все странности, которые уже произошли с ними в Секторе Фобос, и допустила, что еще одна будет смотреться тут не такой уж дикой.

– Ладно, – согласилась Мира. – Я провожу, моего допуска достаточно для того, чтобы попасть туда. Но я все пытаюсь понять, откуда у нас взялся мятежный двигатель... Слушай, я провела на станциях, считай, всю свою жизнь, но никогда даже не слышала о подобном!

– Возможно, существо так сильно повредило компьютерные схемы, что ими невозможно управлять дистанционно? – предположил Натан.

– А существа там вообще не было.

– В смысле? Я думал, оно захватило всю станцию!

– Всю, что ему понадобилась, – уточнила Мира. – А это та часть станции, где были люди... Или хоть какая-то форма жизни, животные тоже подошли. В двигателях же, особенно основных, нет постоянного персонала, дежурных тоже нет, сам понимаешь, протоколы безопасности. Поэтому все наши нынешние проблемы связаны с тем, что оно разворотило центральный компьютер.

– Может оказаться, что не все...

Мира бросила на него укоризненный взгляд, она ему по-прежнему не верила. Первый этап проверки подтвердил, что права как раз она: в коридоре, ведущем к буферной зоне, не было не то что трупов, даже капли крови! Да и той шелухи, в которую превратилось в итоге существо, тоже не было. Оставался еще шанс, что это все убрали, но, насколько было известно Натану, даже жилые кварталы еще не до конца очистили, никого сейчас не волновало, насколько уютно возле двигателей!

В буферной зоне тоже все сохранилось безупречно: двойной люк, камера для стерилизации, аварийные фильтры. Здесь система проверяла, не суются ли в особо важную часть станции посторонние. Понятно, что существо на пике своей силы могло бы и сюда прорваться, но это оставило бы следы разрушения – Натану лично доводилось видеть металл, погнутый и даже порванный этой тварью. Однако они миновали один люк, другой, прошли сканирование... Ни одного сбоя, ни одного повреждения, даже царапин нет!

Натан наконец почувствовал первый укол смущения. Неужели он все-таки ошибся, как новичок какой-то? Хотелось даже уйти отсюда сразу, признать неправоту, вернуться к работе с центральным компьютером... Но смысл уже? Они дошли до последнего люка, и раз они потратили столько времени на дорогу, можно и повозиться с настройками.

Натан чуть расслабился, Мира и вовсе не была напряжена, так что оба они оказались не готовы к тому, что за последним люком буферной зоны их будет поджидать тьма.

Она не была крошечной, переливы небольших экранов и датчиков, размещенных на оборудовании, давали хоть какое-то подобие света. Но по сравнению с тем ярким освещением, которое сопровождало их всю дорогу, эта чернота вдруг показалась космосом, прокравшимся на территорию людей, пока они оставались беспомощны.

Натан знал, что так не бывает, и все же тревога отказывалась уходить. Она лишь нарастала: он никак не мог избавиться от ощущения, что из темноты кто-то уже смотрит на него, здесь кто-то есть, новый хозяин этого места... Чтобы подавить страх, осколками пробирающийся под кожу, Натан тихо спросил:

– Насколько это нормально?

– Вообще никак, – отозвалась Мира. Вот теперь она была настрожена даже больше, чем ее спутник.

– Может, существо повредило какой-нибудь кабель? Не здесь, а питающий эту зону...

– Невозможно. Двигатели в этом плане независимы, они слишком важны, и буферная зона – лишь одна из систем их защиты.

– Тогда почему нет света?

– Вот этого я как раз не знаю, зато знаю, как его можно запустить. Вот что... Давай сначала вернем возможность для осмотра, а потом будем разбираться с остальным.

– Ты уверена в этом? Может, вызвать кого-то?

– Мне это нравится не больше, чем тебе, – покачала головой Мира. – Но у нас слишком мало людей и времени, чтобы просто ждать тут. Не знаю, сказала тебе адмирал об этом или нет, но двигатели толкают нас к неопознанному объекту. А с учетом того, что это по-прежнему Сектор Фобос, опознавать этот объект опытным путем лично я не готова! Ты можешь подождать меня здесь, если совсем страшно.

Каковы были шансы, что после такой формулировки он останется на месте? Натана не так уж волновало, что о нем думает лично Мира, но он не сомневался, что адмирал в итоге получит отчет о его поведении во время задания. Да и в целом, разыскивая себе место в новой жизни, он не рассматривал как вариант безопасные уютные уголки.

Мира двинулась первой, он последовал за ней. Он не пытался ею прикрыться, просто не понимал, куда идти. По чертежам Натан знал, что доступная людям зона двигателя представляет собой кольцо, нависающее над пустотой, по которой тянутся распределительные энергетические кабели. Сам же центральный реактор пятого двигателя находится ниже, на дне условного атриума, образованного кольцом, под защитным куполом. Непосредственный доступ к нему получить намного сложнее, тут, пожалуй, и пропуска Мира не хватит. Так им ведь туда и не нужно, им нужна панель управления!

Они были одни в коридоре, это Натан знал точно. Одни, потому что другие люди сюда не приходили, люк был заперт, повреждений они не увидели... Он вынужден был напоминать себе об этом снова и снова, ведь чувство, будто за ними наблюдают, отказывалось отступить. Омерзительное такое, холодное, как прикосновение слизкой твари... Все было хорошо, на них не нападали, однако Натану казалось, что боковым зрением он то и дело улавливает движение чего-то большого в темноте... Куда большего, если задуматься, чем те черви, которые захватили станцию!

Но этого не может быть.

Просто не может и все.

Он заставил себя смотреть на Мира, надеясь зарядиться ее уверенностью, но это не помогло, потому что и Мира ни в чем уверена не была. Она казалась куда более напряженной, чем в буферной зоне, она то и дело вздрагивала... Но это из-за темноты! Она знает, что рядом реактор, что двигатель неисправен, а в их распоряжении лишь маленький фонарик, потому она и волнуется. А других причин нет и быть не может!

И все же, все же... Почему тут так странно пахнет? Он понял это не сразу, на фоне общего беспокойства одна маленькая деталь от него ускользнула. Да и после захвата станция не могла похвастаться прежней чистотой, обитателям «Виа Ферраты» пришлось привыкнуть к разным оттенкам вони.

Но то в общих коридорах, а здесь ничего подобного быть не должно. Двигатель был изолирован, система обеспечивает пусть и не стерильность, так хотя бы чистоту! А еще здесь нет вообще ничего, что может стать источником запаха. Тем более такого! Он был легким, странным, сладковато-тошнотворным... Может, кто-то другой и не распознал бы его, да та же Мира, даже если заметила, могла и не понять, что это! Но Натан, который провел детство и юность на ферме, все-таки вспомнил.

Это было очень похоже на запах, который, несмотря на все фильтры, сохраняется на скотобойне. И такого не может быть, никак... Но ведь запах есть! Или это галлюцинация, последствие травмы, которая оказалась серьезней, чем он предполагал.

Натан не отказался бы спросить свою спутницу о том, чувствует ли она странную вонь, но ему сейчас не хотелось нарушать звенящую тишину даже собственным голосом, да и предположение казалось слишком уж нелепым, не хотелось позориться.

Наконец Мира остановилась у стены, и ее лицо осветилось бледным мерцанием активированной панели.

– Похоже, тут был скачок напряжения, – прошептала Мира. Вряд ли она сама до конца понимала, почему шепчет, причин для этого не было. Видно, и ей тишина казалась дремлющим демоном, готовым броситься на них в любую секунду.

– Ты можешь это исправить? – так же тихо спросил Натан.

– Да, сейчас...

Она снова занялась работой. Он думал только о том, что они отошли от буферной зоны слишком далеко. Если что-то пойдет не так, они не успеют добежать до выхода!

Глупости, с чего им бежать? Похоже, на него влияет переутомление, иначе и не объяснить, почему он от игры теней шарахается! Но сейчас вспыхнет свет, наваждение наконец отступит, и Натан просто завершит работу.

Мира со своей задачей справилась, просторный зал залило яркое белое сияние.

Секундой позже перед ними распахнулась гигантская, полная окровавленных клыков пасть.

Отто Барретт начал работать рано, и ему довелось лично наблюдать за тем, как развиваются космические станции. Долгое время они оставались теми металлическими конструкторами, с которых и началось освоение человеком реальности за пределами планеты: ограниченное пространство, минимальный комфорт. Нельзя сказать, что это всех устраивало, но никто не решался пробовать новое.

В какой-то момент стало ясно, что так больше продолжаться не может. Старые станции были хороши для скромных, краткосрочных экспериментов. За прорыв приходилось платить больше, и в исследовательскую среду пришел частный бизнес. Если ученые были в состоянии объяснить, какую практическую пользу принесет их работа и в какой срок, они могли рассчитывать на очень солидный бюджет. Это развязывало руки государственным компаниям, занимавшимся разработкой кораблей и станций, да еще давало стимул молодым корпорациям поискать себе место на развивающемся рынке.

Так что пространства стало больше, комфорт перестал восприниматься как баловство. Люди проводили на исследовательских станциях не месяцы, а годы, порой – десятилетия. Сложно прожить так долго в условиях, пригодных разве что для хомяка, и не сойти с ума.

Нынешние станции по удобству не уступали иным колониям, и даже на их фоне «Виа Феррата» казалась особенной. Мобильные станции по-прежнему оставались редкостью, а таких дорогих, пожалуй, и десятков не набрался бы! Но исследование сочли достаточно важным, чтобы не скупиться на ресурсы.

Прежде, чем согласиться на эту миссию, Отто изучил все необходимые документы. Он убедился, что «Виа Феррата» действительно способна годами оберегать людей в космосе – десять лет в режиме максимального потребления, двадцать-двадцать пять лет при строгой экономии, эти моменты тоже обязательно просчитывались. Секрет был прост... Да и, собственно, к секретам он не относился. В прошлом космические станции просто загружали готовыми продуктами. Их приемники, включая «Виа Феррату», принимали на борт исходные вещества, из которых система могла приготовить все, что нужно.

Немалую роль, конечно, играли фермы, обеспечивавшие возобновляемые продукты. Но только ими дело не ограничивалось, на борту хранились химические компоненты, резервные пайки, составляющие не только для блюд, но и для лекарств, фильтры, обеспечивавшие повторное использование или переработку некоторых элементов. Считалось, что именно в этом главное преимущество «Виа Ферраты» и подобных ей станций: даже если ресурсов окажется мало, можно перенастроить оборудование так, чтобы экономней использовать то, что осталось, и беды удастся избежать!

Кто же знал, что однажды в негодность придет именно оборудование?

Инопланетная тварь не уничтожила все – но уничтожила многое. Просматривая отчеты о повреждениях, Отто пытался представить другую ситуацию, при которой станции был бы нанесен такой же ущерб, и не мог. Так что разработчики «Виа Ферраты» не допускали серьезных ошибок, они просто оказались не готовы ко всему, что поджидает в Секторе Фобос... Да и кто вообще был к этому готов?

Нельзя сказать, что станция оказалась на грани коллапса, но кризисом определенно повеяло. Отто невольно вспомнил миг, когда подумывал перехватить у Елены Согард управление, и мысленно поблагодарил судьбу за то, что тогда у него ничего не получилось. Он все равно не собирался отстраняться от проблем «Виа Ферраты», но он был рад, что финальное решение не за ним.

Самое паршивое положение у медиков, пожалуй... Тяжелораненых слишком много. Возможно, в какой-то момент придется отказаться от тех, у кого не будет шанса на полное восстановление. Если дойдет до такого, Петер Луйе, старый лис, не примет решение сам, он смиренно сделает вид, что и шагу не может ступить без позволения адмирала. И выбирать придется ей...

Словно почувствовав, что он размышляет о ней, Елена Согард прислала ему предупреждение о встрече. Это было по меньшей мере внезапно, особенно при том, что она не вызывала Отто к себе, а направлялась в его кабинет.

Он не собирался показывать удивление, Елену Согард он принял так, будто не было ничего естественнее ее визита. Адмирал устроилась по другую сторону стола и, конечно же, заметила, какие файлы открыты на компьютере Отто. Возмущаться она не стала, спросила только:

– И что вы думаете об этом?

– Думаю, что отчаиваться пока рано, надо подождать полного отчета от наших механиков. Возможно, они вызовутся сотворить чудо.

– А если вывести чудо из уравнения?

– Тогда, скорее всего, придется провести массовое переселение, – неохотно признал Отто. – Полностью изолировать минимум один сектор и отключить там все допустимые системы. Ввести питание по талонам. Отменить любые развлекательные мероприятия и даже исследования.

– Это хорошие меры на обычной миссии, – кивнула Елена. – Там, где есть предел лишения.

– Да, поэтому здесь придется делать такое раньше и надеяться, что нам попадется очередной кластер с потенциально обитаемыми планетами, где можно будет пополнить ресурсы.

О том, с какими рисками связана высадка на местные планеты, Отто предпочел не говорить. Какой смысл, если не все следы этих «рисков» еще убрали из коридоров?

– Ваш план хорош, чтобы выиграть нам побольше времени, – согласилась Елена. – Но есть вероятность, что мы не сможем осуществить даже его.

– Я догадался, что вы не пришли бы ко мне просто ради приятной беседы. Что еще успело случиться?

Вместо ответа адмирал положила на стол перед ним пластиковую табличку.

Бумага стала одним из ресурсов, от которых космические станции за время эволюции отказались почти сразу. Теперь она если и попадала на борт, то в качестве исключения, какого-нибудь милого сердцу сувенира или инструмента для хобби. В быту же использовались персональные компьютеры, любой текст отлично отображался на экране.

Чуть ли не единственной альтернативой им стали такие вот многоцветные карточки. С помощью специального принтера на пластик можно было нанести любой текст или изображение, потом очистить и использовать снова. При этом краска, смытая очисткой, не уходила в никуда, а на девяносто процентов применялась повторно.

Впрочем, даже при таких вводных карточки уступали компьютерам. Считалось, что они нужны просто на всякий случай. Но Отто, большую часть жизни отдавший полицейской работе, прекрасно знал, что особым спросом такие карточки пользуются среди преступников. Объяснение долго искать не приходилось: при пересылке файлов через компьютер отыскать отправителя проще простого, а при распространении карточки попробуй еще, найди, кто на нее изоб-

ражение нанес! Так что в прошлом Барретты ящиками изымали эти куски пластика с датами, адресами, именами и формулами запрещенных веществ.

На «Виа Феррате» этой проблемы раньше не было. Да, запас табличек загрузили – потому что это предполагалось по протоколу и потому что при крайней необходимости их можно было переплавить во что-нибудь более полезное. Но, насколько было известно Отто, никто на это сомнительное сокровище не претендовал... до сегодняшнего дня.

– «Вас везут на убой», – прочитал Отто. – Что ж, это можно не преподносить как новость.

– Не разделяю ваше чувство юмора, – поморщилась Елена. – Как видите, текст составлен достаточно грамотно. Человек, поддавшийся эмоциям, может поверить, что недавний захват станции – следствие наших ошибок, а не стечения обстоятельств.

– Я вижу. Мы так увлеклись спасением собственных шкур, что допустили пять сотен смертей... Но здесь нет прямого призыва к смещению.

– Пока нет. Пока что от нас просто требуют ответа, подробного отчета, доступа к документам... Но вы ведь понимаете, что это значит?

Отто действительно понимал. Кто-то кинул первый камень и смотрит: поймают, не поймают? Выполнят требования или не будут реагировать? Ничего подобного на «Виа Феррате» прежде не было, да и вроде как не могло быть, но Отто уже видел: текст составлял человек неглупый, четко понимающий, что он делает.

Уже сейчас это может потревожить людей. Но что будет, если Елене действительно придется организовать переселение и ввести ограничение пайков? Тогда сомнительное семя упадет на плодородную почву.

В период кризиса критиковать руководство очень просто. При худшем раскладе, если кому-то удастся замутить здесь революцию, первое время толпа будет сосредоточена на свержении всего плохого во имя всего хорошего. А новые лидеры, чтобы укрепить свои позиции, вполне могут раздать и без того ограниченные ресурсы бездумно, лишь бы угодить. Когда же все это завершится, будет слишком поздно спасти станцию... Так что беспокойство Елены преждевременным не назовешь.

– Много этого добра на станции? – спросил Отто.

– Достаточно, чтобы это попало в руки верным мне людям.

– Но попало и к неверным... Плохо. Есть намеки на то, кто за этим стоит?

– Кто-то грамотный, – признала Елена. – Принтер, на котором это сделали, неизвестен, у всех стерта история использования. И при распространении были учтены поломки системы видеонаблюдения, с которыми мы столкнулись.

– Интересно... Лидер, как я понимаю, пока не объявился?

– Он и не объявится до последнего, наши позиции все еще крепки, а у него позиций нет вообще. Но вы ведь понимаете, что это просто вопрос времени?

– Не драматизируйте, – попросил Отто. – Я знаю, что сейчас беспокойный период, но вызван он в первую очередь поломкой двигателей – и нашим приближением к неизвестному объекту. Если столкновения удастся избежать, мы довольно быстро наведем порядок на станции, и тогда вы познакомитесь с тем, кто тут решил заняться народным творчеством, это я вам обещаю.

– Похвально, но среди ключевых факторов риска не только ситуация с двигателями.

– А что еще? Ограничения в системе питания? Это временно, и там мы пока тоже ведем оценку по худшему сценарию, а у нас, скорее всего, не он...

– Нет, я не об этом, – прервала Елена. – Есть и еще одна система, которая пока не отключилась, но находится в уязвимом положении. Система контроля заключенных.

Такого Отто не ожидал. Должен был – чем эта система лучше других? Но он почему-то даже не подумал...

Он никогда не забывал о том, что значительную часть экипажа составляют заключенные. Как о таком забыть, если именно полиция должна следить за ними и сдерживать? А еще именно полиции они пойдут мстить, если вдруг освободятся.

Да, Отто знал об этом, но не рассматривал такую возможность всерьез, потому что каждому заключенному устанавливали специальный имплант, при помощи которого можно было очень легко и быстро завершить его жизнь. С тех пор таким «коротким поводком» контролировали всех, кроме Гюрзы, который умудрился свой имплант испортить в первый же день на «Виа Феррате».

Пожалуй, ошибка Отто заключалась в том, что он привык воспринимать эти устройства как отдельные приборы, то, что находится внутри преступников и не имеет отношения к кораблю. Но ведь контрольный блок тоже здесь, это часть общей системы! И если он отключится, они окажутся заперты на станции с тысячами опасных преступников – у других просто не было причин соглашаться на десятилетнюю миссию.

Это было бы угрозой в любом случае, а если о таком прознает тот, кто распространяет эти писульки на карточках, трагедии не избежать. Вроде как в тяжелые времена люди должны держаться вместе, но Отто по опыту знал: порой массовый психоз побеждает благоразумие удручающе легко.

– Насколько велик риск? – напряженно уточнил глава полиции.

– Как я сказала, система держится. Но она остро нуждается в ремонте.

– И? Разве не нужно бросить силы в первую очередь на это?

– Во вторую, – уточнила Елена. – Остановка двигателей по-прежнему в приоритете. Но проблема с системой безопасности еще и в том, что для ее восстановления нужны профильные специалисты. Их изначально было немного, а теперь они либо погибли, либо в тяжелом состоянии.

– Кому известно о ситуации?

– Мне и людям, которым я доверяю. Теперь вам. Но такие секреты не хранятся долго. Мы не сможем предотвратить утечку информации, но сможем к ней подготовиться.

– Обнаружив того, кому вздумалось поиграть в отважного революционера, – кивнул Отто. – Я понял вас. Я займусь этим.

То, что беда не приходит одна, даже не удивляло. Тут как раз сочетание их и подвело... Если бы просто отключились контролирующие устройства, кочевникам все равно удалось бы сохранить порядок: никто из преступников не решился бы на нападение без уверенности, что остальные его поддержат. И если бы этот псевдо-мятеж развернулся в другое время, Отто лишь посмеялся бы, а потом вышвырнул кое-кого за пределы станции, строить светлое будущее на непредсказуемых астероидах Сектора Фобос. Но сейчас этот сомнительный дуэт напоминал ракетное топливо и пламя...

Нехорошо. Отто не собирался отправлять на расследование первого, кто под руку повернется, ему нужен был лучший, поэтому он вызвал Сатурио. Старший сын справлялся с заданиями сложнее, он уже пришел в себя после захвата существом, он должен разобраться быстро, до того, как поднимется настоящий шум, все будет хорошо...

Может, он и справился бы, но этого Отто узнать не довелось.

Сатурио ему так и не ответил.

Изначально он не следил за Мирой. По крайней мере, такой цели у Сатурио не было. Ну а то, что он постоянно оказывался рядом с ней... Это другое, понимать надо.

На самом-то деле объяснение найти несложно: ему было поручено патрулирование, и он держался ближе к тем участкам станции, где сейчас шли самые сложные ремонтные работы. Мира же приходила туда, потому что она эти работы и курировала. Вот и чему на фоне этого удивляться? Правда, если бы кто-нибудь спросил у Сатурио, как же он оказался возле Миры

и Рино, когда они намеренно попытались спрятаться от остальных, да еще и приложил все усилия, чтобы скрыть свое присутствие, его история посыпалась бы... К счастью, спрашивать оказалась некому, а для бесед с самим собой у Сатурио не было настроения.

Потом притащился Натан, и у кочевника появилась вполне достойная причина начать официальную слежку. Он прекрасно знал, какое задание было дано хакеру, и никак не мог понять, при чем тут Мира. Могло оказаться, что Натан затеял очередную диверсию, пользуясь разрухой, и теперь заманивает в ловушку одного из немногих оставшихся механиков, в таком случае присутствие полицейского точно лишним не будет.

Ситуация стала еще более странной, когда Сатурио понял, что они направляются к одному из основных двигателей станции. Кочевникам сообщили, что там поломок нет, проблемы связаны с компьютером... Получается, все-таки ловушка? Возле буферной зоны Сатурио пришлось остановиться, туда он бы незаметно не проник. И в этот момент он всерьез подумывал о том, чтобы вызвать подкрепление, но все-таки отказался от этой идеи.

Из всей семьи он перенес нападение существа лучше всего. Сатурио не мог сказать, что восстановился полностью, но травм, мешающих работе, у него не было, и в лекарствах он не нуждался. Бруция и Тодорус неплохо справились с эмоциональным потрясением, но их уродец потрепал сильнее, им пока стоило избегать серьезных нагрузок. Антифо и близнецы получили все сразу, им врачи посоветовали отлежаться, и на непонятные задания вроде этого их пока вызывать не стоило.

Да и есть ли тут вообще задание? Ожидая, пока Мира и хакер пересекут буферную зону, Сатурио изучил показания компьютера. Никаких аварий, никаких аномалий... Ни одного повода для тревоги!

Когда у Сатурио получилось вступить в буферную зону, остальных там, конечно же, уже не было, а вот внутренний люк оставался открытым. Это не соответствовало правилам безопасности, однако кочевник без труда понял, почему Мира изменила настройки: внутри не было света. Грандиозный зал оказался погруженным в темноту, и это было по меньшей мере странно.

Ничего плохого еще не произошло, а инстинкты уже били тревогу, по мышцам электричеством скользило напряжение, сердце набирало привычный для охоты ритм. Сатурио больше не думал о том, кто это затеял, и скрываться он не собирался. Он готов был обозначить свое присутствие, чтобы оставаться рядом с Мирой и сохранять возможность ее защитить, а уж как он это объяснит – можно будет придумать позже.

Он почти успел... Может, если бы он двигался непрерывно, он бы и вовсе справился. Но когда Сатурио наконец миновал буферную зону и добрался до основного зала, он просто замер на пороге. Не из-за темноты, нет, она как раз кочевника не смущала. По нему ударило зловоние, наполнявшее грандиозное помещение. В основном – запах сырого мяса, будто здесь недавно кого-то освежевали... Кого-то очень большого или многих сразу. К этому примешивался и запах свежей крови, но совсем слабый, теряющийся.

В другое время такого было бы недостаточно, чтобы сбить кочевника с толку, но тут он просто ничего подобного не ожидал – особенно после стерильной свежести буферной зоны! Он пришел в себя быстро, только вот в таких ситуациях на счету каждая секунда. Преодолев шок, он распознал и звуки, и движение в темноте, он хотел крикнуть, предупредить... но стало слишком поздно.

В зале вспыхнул свет, яркое холодное сияние, позволившее разглядеть хищную тварь во всем великолепии.

Странно было так думать о монстре: великолепии... Но по-другому не получалось, потому что это существо занимало собой весь зал. Не заполняло его идеально, а будто сливалось с ним. Четкой формы у уродца не было, он представлял собой набор странных комков плоти разного размера, растянувшихся по канатам и связанных паутиной жил. Он слился с

атриумом, и пространства вроде как по-прежнему хватало, но это не мешало чудовищу быть везде и сразу.

Самой страшной его чертой был не размер, нет – размер при такой малой плотности не имел значения. Куда больше Сатурио проняло сходство этого ублюдка с человеком. В том, что это на самом деле не человек, сомневаться не приходилось, не было единства даже на уровне силуэта – как минимум потому, что у уродца не было силуэта! Но те комки плоти, нагромождением которых он, по сути, и был, оказались человеческими... по большей части. Вот рука, просто за запястьем почему-то вьется череда крупных сосудов. Вот внутренние органы – отдельно друг от друга, на внушительном расстоянии, и все же по венам между ними течет кровь! И все это обнажено, лишено кожи, отсюда и запах сырого мяса. Это уязвимость, и кажется, что туловище принадлежит не хищнику, оно принадлежит несчастному мутанту, который родился лишь для того, чтобы умереть, но стоит взглянуть на голову, и даже легкая иллюзия беспомощности развеивается без следа.

Голова огромна – больше Сатурио, вот и еще одно доказательство того, что человеком эта тварь никогда не была... Как будто кто-то такие доказательства требует! Голова сохранила типичные для человека черты лишь отчасти: лоб высокий, есть брови, а вот глаз нет вообще, нос крупный и искривленный, ниже под чудовищным углом распахнут беззубый рот. Сперва Сатурио показалось, что это не от человека черта, ведь у людей не бывает таких клыков! Но потом до кочевника дошло: это на самом деле не клыки, это просто острые обломки зубов, и кровь, которая по ним стекает, принадлежит существу, оно уже успело покалечиться, пока было одно.

Серьезно это ему не навредило, оно продолжало жить своей жуткой, противоестественной жизнью. Оно еще и охотилось! Сатурио оно пока не замечало, потому что он пришел позже, все внимание монстра было сосредоточено на Мире и Натане. То, что на голове не было глаз, не мешало ему видеть, пасть распахнулась прямо перед ними!

Не похоже, что эту ловушку организовал Натан, он был напуган не меньше, чем его спутница. Он вообще замер от ужаса, как мелкий зверек, который уже сдался и теперь лишь дожидается, когда же его сожрут. А вот Мира... Мира не подвела! Она была готова к такому открытию не больше, чем Натан, но замирать не стала, она подалась в сторону, да еще и своего спутника за собой потащила. Вовремя: секундой позже челюсти сомкнулись на том месте, где только что стояли люди.

Сатурио тоже не медлил, он выстрелил в голову. Попал в висок, хорошо так попал, он должен был убить это уродство и со всем покончить за один миг! Только вот мертво оно не было, хотя кровь кочевник ему пустил знатно. Но оно будто не заметило глубокую рану, сорвавшую ему половину головы, оно с яростным воем ринулось на новую добычу.

У Сатурио не было времени объединиться с остальными, не было даже возможности узнать, как они. Хищник атаковал с двух сторон сразу: попытался впиться в добычу осколками зубов и перехватить за ногу рукой, двигавшейся на сосудах, как кукла на веревочках. Существо было быстрым, да и нападало вполне умно, у Сатурио лишь чудом получилось увернуться. Человек бы, пожалуй, и вовсе не справился... или раненый кочевник, так что старший из Барреттов порадовался тому, что не призвал сюда братьев.

А больше радоваться оказалось нечему, его собственные дела катились хрен пойми куда. Да, он смог уклониться, но на этот раз он уродца не достал. У Сатурио было с собой оружие, неплохое даже, он попросту не успевал прицелиться и выстрелить, слишком быстро все происходило. Существо, похоже, не было способно расстраиваться из-за собственного поражения, потому что и поражением это не считало. Если срывалась одна атака, оно переходило к следующей с неумолимостью машины. Оно еще и училось на своих ошибках! Сообразив, что Сатурио нельзя достать нападением с двух сторон, оно нападало с трех, потом – с четырех, и кочев-

ник не представлял, было у него так много рук изначально или оно отрастило дополнительные для битвы.

Он даже на миг допустил, что оно может быть разумно... Но нет, не похоже. Распахнутая пасть монстра испускала только хрипый вой, существо ни разу не попыталось заговорить с противником. Да и сложной стратегии в его действиях не было, только звериная ярость – и бесконечный запас энергии.

Уже это было плохо, а стало только хуже, когда Сатурио заметил, что рана на башке уродца стремительно затягивается. Если так пойдет и дальше, у него будут все шансы измотать кочевника и все-таки добиться своего... Это была напрасная мысль, бессмысленная, отец учил его не отвлекаться на такие рассуждения, и чаще всего у Сатурио получалось, а сегодня, вот, сорвалось... Воображение услужливо нарисовало, как гнилые зубы разрывают его на части, как пожирают Миру... Ритм движений сбился, и кочевник почти допустил ошибку, оказавшись в немислимой кровавой петле из рук и челюстей.

Нет, какое там «почти»? Он допустил эту ошибку, он попался, и не пострадал он лишь по одной причине: в битву вступила Мира. Она предпочла ближний бой, у нее то ли не было огнестрельного оружия, то ли она побоялась попасть в Сатурио. Он не сразу понял, чем она вооружена – она как будто нашла где-то боевой шест! А потом до него дошло, что это распорка, которой закрепляют люк во время ремонта. Все равно неплохо, потому что металл крепкий, да и сил Мире не занимать, она доказала это, когда одним ударом отсекла существу руку.

И снова повторилась та же ситуация: оно взвыло от боли, но никак больше не поддалось, совсем как при ранении в голову. Оно не собиралось отступить, оно атаковало с прежней решимостью, не переходящей, впрочем, в слепую ярость. Да оно даже собственную отсеченную руку сожрать умудрилось, а потом снова бросилось в бой!

Победить его они не могли, не сейчас так точно, им нужно было отступить, добраться до люка, а там уже сработает система безопасности. Может, здесь все и полетело непонятно куда, но буферная зона работает как надо, и у них получится запереть чудовище! Только для этого нужно заставить его отступить или замедлиться, хотя бы на минуту...

Нет, без вариантов. Не вдвоем так точно. Боковым зрением Сатурио заметил, что Натан как раз вел себя правильно: воспользовавшись тем, что существо отвлечено, хакер добрался до люка. Мира могла бы поступить так же, должна была, а она наивно влезла в драку... Хотя тогда она еще не знала, что этого монстра невозможно победить.

– Я отвлеку его, а ты давай к выходу! – крикнул Сатурио, ударом ноги отшвыривая от себя массивную башку уродца. Удар получился неплохой, но в колене выстрелила острая боль, и теперь двигаться стало сложнее.

– Нет! – отозвалась Мира, у которой дела шли не лучше.

– Это не приглашение к дискуссии, это приказ!

– Ты не можешь мне приказывать, ты не мое начальство!

– Я старший офицер, а у нас тут экстремальная ситуация!

– Это все равно не обязывает меня выполнять нелепые приказы, – возразила Мира. – Мы можем отступить вместе, медленно, если синхронизируем движение...

– Не получится, он, к сожалению, обучаем, он скоро сомкнется вокруг нас.

– Да мне бежать бессмысленно, твоя семья меня сожрет! Может, я попробую выпустить...

Это...

Он знал, о чем она – про ликвидатора сложно забыть! Он просто не был уверен, что это хорошая идея. Ликвидатор – не добрый воин света, это существо, нацеленное в первую очередь на самосохранение. С чего ему драться с чудовищем, когда он может просто удрать? Да еще и на Мире это скажется не лучшим образом, она и в прошлый раз чудом вернулась... Сатурио не хотел рисковать, должен быть другой выход, но какой?

Размышления об этом прервал свист. Не какая-нибудь сирена, не загадочный звук из недр реактора, а самый обычный человеческий свист, настолько резкий, что он перекрыл даже завывания существа. Бросив быстрый взгляд в ту сторону, кочевник с удивлением обнаружил, что неподалеку от люка теперь стоит Гюрза, а перед ним находится самоходная платформа с двумя неподвижными человеческими телами.

Этот псих что, убил кого-то и хвастаться пришел?.. Нет, на платформе нет крови, да и тела выглядят промерзшими – похоже, он их из морга притащил, из того зала, в котором собрали жертв захвата станции, чтобы потом похоронить с достоинством. А Гюрза использовал место упокоения как склад!

Вопрос «зачем» при этом оставался открытым.

Убедившись, что привлек внимание, маньяк равнодушно объявил:

– На счет три. Попытка у вас будет одна.

Вот и все, что он им сказал, никакого сочувствия, никаких объяснений. Но Сатурио знал его достаточно хорошо, чтобы понять: издеваться над ними Гюрза бы не стал, раз он вступил в игру, он готов помочь. Поэтому к отсчету, который вел маньяк, кочевник прислушивался внимательно.

Досчитав до трех, Гюрза просто пустил в их сторону платформу на полной скорости. Существо тут же метнулось к ней и явно пришло в восторг от такого подношения – из плоти, не стреляет, не дерется! Да, холодное, но где нынче взять идеал? Оно вцепилось в тело, лежащее сверху, и потеряло интерес к живой добыче.

Сатурио не сомневался, что это ненадолго, и медлить не стал. На счет «три» он перехватил Миру за руку, потому что в нынешнем состоянии она не могла достигать скорости кочевницы, и потащил за собой. Гюрза и Натан уже были в буферной зоне, как только туда добрались остальные, хакер запустил блокировку.

Существу не понравился их отход, оно снова метнулось к живой добыче – но было уже поздно. Удар пришелся по металлу, люк закрыл их, спас... пока спас. У них гигантский монстр сидит на ядерном реакторе, утверждение, что они в безопасности, сочилось наивностью, недопустимой даже при самом безмозглom оптимизме.

– Что ты здесь делаешь? – мрачно спросил Сатурио, не сводя глаз с люка. Ударов слышно не было, но при изоляции это ожидаемо. Интересно, сколько у них времени?

– Слежу за тем, как ты следишь за Мирой, – отозвался Гюрза.

– А зачем ты за мной следишь? – удивилась Мира, все еще пытавшаяся отдышаться.

Сатурио чуть смутился, замешкался с ответом и тут же был за это наказан – свою версию выдал маньяк:

– Нереализованные сексуальные порывы.

– Нет! – возмутился кочевник.

Мира выдержала испытание лучше, она обратилась к Гюрзе:

– Тогда тебе не пофиг ли? Почему ты здесь на самом деле?

– Обнаружил вот это, – маньяк кивнул на заблокированный люк.

– Обнаружил и никому не сказал?!

– Хотел для начала кое-что проверить и ушел за реквизитом для эксперимента. Можете не извиняться, вы мне не помешали.

Тут даже Миру выдержка подвела, и она попыталась броситься на психа, но Сатурио с легкостью удержал ее. Он как раз понимал: Гюрза действительно собирал данные, он молчал не забавы ради. Это существо попросту впечатлило его достаточно, чтобы он держал остальных людей подальше. Но теперь для такой осторожности поздно...

– Если твой эксперимент удался, ты можешь сказать, что это такое? – поинтересовался кочевник.

– Уверенно? Уверенно я могу сказать только одно: это то, что погубит нас куда раньше, чем любой неопознанный объект на нашем пути.

О том, что в мозгах у него побывал какой-то червяк, Кеннет Риттер предпочитал не думать. Картина получалась очень уж мерзкая, а исправить все равно ничего не получится, так зачем портить себе настроение? Особенно при том, что ему повезло чуть меньше, чем другим: после гибели паразита часть шелухи, в которую тот превратился, осталась внутри. Совсем немного – но все же!

– Достанем потом, – пообещал доктор. – Ты не бойся, операция малоинвазивная будет. Просто сейчас лазарет перегружен, сам понимаешь.

– Я хоть доживу до этой операции? – забеспокоился Кеннет.

– Куда ты денешься? Это ведь не биологические ткани уже, это, считай, каменный осколок, что-то вроде того. Пей таблетки на всякий случай, но особо не дергайся. Жить будешь... если, конечно, на работе своей не нарвешься, но тут уж не от нас зависит!

Кеннет прекрасно знал, что ему еще повезло. Вон, Зак из третьего отряда от эпилепсии мучается, а раньше не было такого! Генри ноги не подчиняются, но у него не только в голове осколки, у него и с позвоночником что-то. А Кеннет ничего не чувствовал, он просто видел снимок собственного мозга. Голова у него при этом не болела, да и вообще ничего не беспокоило, хотя таблетки, выданные медиками, он на всякий случай дисциплинированнопил.

Но главное, он мог работать, поэтому о работе он и думал, а не о том, что с ним произошло и к чему это привело. Так проще: сосредотачиваться только на том, что он может изменить, а не рыдать по углам о прошлом.

Работы у него хватало – как и у всех военных сейчас. Обычно они не патрулировали жилые кварталы: это не требовалось, а если и требовалось, таким занималась полиция. Военные же подчинялись напрямую адмиралу и вмешивались только в чрезвычайных ситуациях.

Так теперь что ни день, то чрезвычайная ситуация! Станцию потихоньку восстанавливали, и это хорошо, а плохо то, что у людей сдавали нервы. Кто-то видел, что стало с их друзьями, кто-то никак не мог прийти в себя после захвата... Причин хватало, и драки могли вспыхнуть где угодно, в любой момент, патрули лишними точно не были.

А тут еще и листовки эти добавились, на карточках отпечатанные... Кеннет бросил очередную такую в утилизатор и презрительно поморщился. Нашли время волны разгонять! Нет, понятно, что поводов для возмущения хватает. Может, Кеннет даже посочувствовал бы этим любителями протестов, если бы они заявили свои претензии открыто. Так ведь они гадили анонимно, прятались за кусками пластика! Такое он терпеть не мог, поэтому, в отличие от сослуживцев, отнесся к приказу адмирала со всей ответственностью и внимательно разыскивал тех, кто эту дрянь распространяет.

Потому и нашел. Остальные патрульные прошли мимо узкой ниши, предназначенной для хранения сервисных дронов. Они не всматривались в темноту, они устали, им просто хотелось дождаться конца смены. Они знали, что в нише этой никого нет, вот и не удостоили ее внимательного взгляда. Но Кеннет именно искал, потому не упустил человеческий силуэт среди оборудования.

Он не стал обращать на это внимание остальных, просто сказал, что догонит их, а они не собирались спрашивать, куда он собрался, им было все равно. Кеннет же не хотел устраивать официальное задержание по двум причинам: во-первых, он не был уверен, что человек прячется там из-за преступления, во-вторых, знал, что это за человек.

Они с Риком Флорисом не были друзьями, даже на приятелей тянули с очень большой натяжкой. Но Кеннет знал его имя, пару раз они выпивали вместе, когда больше не с кем было. Сейчас этого оказалось достаточно, чтобы воздержаться от поспешных выводов.

Хотя и основания для подозрений есть. Рик из заключенных, такое не скроешь – нашивка на одежде кого угодно предупредит, а у военных еще и доступ к личным делам есть. Он не убийца, но наворовать успел достаточно, чтобы получить пятьдесят лет срока – похоже, сунул руку в карман какого-нибудь очень уж серьезного, нужного галактике гражданина. На «Виа Феррате» он числился техником, но Кеннет прекрасно знал, что четких должностных обязанностей у него не было. Заключенные-техники подчинялись нескольким отделам сразу, то есть, выполняли поручения, которые им чуть ли не каждый член экипажа дать мог. При таком раскладе недовольство вполне может перерасти в нечто большее, были бы правильные условия! Если Рик привык жить не считая денег, а теперь в весьма солидном возрасте оказался мальчиком на побегушках, он в любой момент может совершить глупость.

Дождавшись, когда другие патрульные отойдут подальше, Кеннет велел:

– Выходи оттуда. Если заставишь меня лезть за тобой в эту нору, сдам тебя кочевникам.

Чувствовалось, что вылезать Рик не хочет, и это было еще одним доказательством того, что он туда не случайно свернул. Но слово «кочевники», как всегда, действовало магически: с лысыми уродцами никто связываться не хотел, проще уж человеку с человеком договориться! Кеннет особо не распространялся, что на самом деле никого не послал бы к мутантам – это же не по-людски! Терять такой замечательный вариант шантажа он при любом раскладе не хотел.

Рик выбрался из укрытия, замер перед патрульным, угрюмый, настороженный. Он, сам того не замечая, постоянно касался сумки, которую таскал на плече, а теперь задвинул на спину. Это говорило Кеннету, что там, лучше любого обыска.

– Вот и что мне с тобой делать? – вздохнул патрульный.

– В смысле? – возмутился Рик. – Я ж ничего не нарушал!

– Даже не начинай. Если я сейчас тебя обыщу, я уже не смогу сделать вид, будто ничего не случилось. А пока мы с тобой просто дружески болтаем, у нас еще есть шанс разойтись с миром.

Рик зыркнул на него исподлобья, но скандалить не стал, знал ведь, что попался.

– Так о чем мы дружески болтаем?

– Ты рассказываешь мне, на кой ты в это влез, – с готовностью пояснил Кеннет.

– А что, я терпеть должен? Ладно нас сюда заманили обманом, можно допустить, что они и сами не знали, во что лезут... Но дальше-то зачем с нами так обращаться?

– Так – это как?

– Как будто мы и не люди уже! Ведь если бы нас считали полноценными людьми, никакой паразит сюда бы не пробрался!

– Как ты связал одно с другим? – поразился патрульный.

– Так начальство же помнит, что у нас тут эки в основном, и не особо озадачивается безопасностью. Типа, если кто из нас помрет случайно – так и не страшно, нас же много! А теперь много как раз умерло. И что, никто за это отвечать не будет?

– А кто должен?

– Не знаю... – Рик на миг смутился, но тут же снова перешел в режим упрямого барана: – Но кто-то точно должен! Нужен контрольный орган, который будет проверять наших начальников! Или ты хочешь, чтобы сохранились прежние порядки?

– Вообще-то, хочу.

Кеннет произнес это спокойно, негромко, и все равно собеседник уставился на него так, будто патрульный ему оплеуху отвесил.

– В смысле – хочешь? После всего, что было?

– Мы знали, что отправляемся на территорию аномалий, – напомнил Кеннет. – Об этом предупреждали и тебя, и меня. Мы оба подписали контракт на десять лет!

– Да, но... Трупы...

– А ты почитай то, что подписывал. Там не сказано, что ты обязательно умрешь, но это один из допустимых вариантов. Если через десять лет меня не вернут на Землю и не выплатят зарплату, я начну протестовать так, как тебе и не снилось! А пока я не собираюсь свергать руководство, чтобы нас по прилету расстреляли без вопросов. У меня есть причина вернуться домой!

Его уверенность подействовала: Рик явно растерялся. Да и понятно, почему, все эти революционные идеи кто-то быстренько состряпал на коленке и распихал в пустые головы. Главная уязвимость таких идеалов в том, что они столь же чужды, как пробивший череп паразит.

Кеннет же готов был отвечать за каждое свое слово, потому что он не врал. У него действительно была причина вернуться домой – и причина эта перекрывала все остальное.

Он согласился на миссию в Секторе Фобос не сразу, он же не заключенный какой! Кеннет и так служил по контракту, он рисковал, но он в любой момент мог вернуться на Землю, это значило для него больше всего. Так что возможность провести десять лет вдали от дома на него давила, он подумывал отказаться, а потом увидел сумму, которую ему предстояло получить.

Эта сумма решала всего его проблемы. Кеннет признавал, что не безгрешен, к долгам за учебу и покупку дома добавились еще и долги за его маленькие увлечения... Он раскаялся в этом, он обещал Ие и родителям завязать, да и держал свое слово. Но уже полученные долги от этого никуда не исчезали. По подсчетам Кеннета, при зарплате контрактника ему пришлось бы вкалывать без отдыха лет двадцать, просто чтобы закрыть нынешние долги и проценты от них.

Работа на «Виа Феррате» решала ту же проблему намного быстрее. Он не просто получал больше денег, по условиям договора все его долги перед банками освобождались от процентов на время миссии. В итоге через десять лет он мог не просто расплатиться, а еще и остаться в солидном плюсе.

Это его здорово встряхнуло. Впервые за долгое время он почувствовал себя не ничтожеством, которое вынуждено склонять голову в кабинетах банковских начальников, а солдатом. Его служба снова имела значение!

Ну а самое главное, Ия его поддержала. Она не обрадовалась – но если бы она обрадовалась его десятилетнему отсутствию, Кеннет задумался бы: а стоит ли ради нее идти на такие жертвы? Но она плакала, не хотела его отпускать, и ему пришлось долго объяснять ей, почему так будет лучше для всех.

Она уже приняла его со всеми грехами прошлого. Теперь она согласилась отдать десять лет своей жизни ожиданию. Десять ярких, замечательных, молодых лет! И Кеннет намерен был отплатить ей за это сполна, вернуться, да еще и с деньгами... Он не собирался позволять вконец зажавшимся экам сорвать его планы.

– Джулиан!

Имя ворвалось в его размышления о доме, неприятно кольнуло, развеяло иллюзию. Откуда оно вообще, к чему здесь? Кеннет, на миг отвлекшийся от реальности, поспешно огляделся по сторонам, но кроме него и Рика на улице-коридоре никого не было, патрульные ушли далеко вперед, люди предпочитали лишний раз из комнат не выходить.

Получается, с ним заговорил техник...

– Как ты меня назвал? – нахмурился Кеннет.

– Я тебя никак не называл, – растерялся Рик.

– Да ты имя мое забыл! Я Кеннет.

– Так-то я знаю...

– Тогда зачем ты назвал меня Джулианом?

– Чего? Я не называл тебя так!

– А кто это сказал?

– Никто ничего не говорил... Тебе слышалось. Видишь? – вдруг оживился Рик. – Они заставляют тебя работать слишком много, это ненормально, и от усталости тебе мерещится всякое!

– Ничего мне не мерещится, – разозлился Кеннет. Он кивнул на люк утилизатора: – Давай ты туда уронишь свою сумку, и будем считать, что мы не виделись.

– Но это... Но как же...

– Сейчас!

Видно, мелькнуло на лице Кеннета нечто такое, что окончательно отбило у техника желание спорить. Рик придал откровенно уголовной физиономии скорбное выражение, но на этом его протест и закончился. Он демонстративно швырнул сумку в утилизатор и, не дожидаясь разрешения от патрульного, направился прочь.

Можно было втащить ему за это, но Кеннет побоялся сорваться. Настроение испортилось резко, быстро, будто бы без причины... Звучало имя на самом деле или нет? Да какая разница, оно ведь все равно незнакомое! И Кеннет, как ни старался, не мог понять, почему оно разрушило его привычное спокойствие, почему ударило сильнее, чем последствия захвата червяком и эти дурацкие листовки вместе взятые. Было такое ощущение, будто его облили грязной водой, хотелось узнать, кто это сделал, да не получалось.

Он решил привычно сосредоточиться на работе, он вернулся к патрулю. Несмотря на усталость, он даже взял вторую смену, знал, что все равно не заснет. Он старался думать только про Юю, вспоминал ее улыбку, золотистые волны ее волос, искристые голубые глаза... Обычно это помогало, сегодня – нет. Даже сквозь усталость Кеннета не оставлял в покое один дурацкий вопрос...

Кто такой Джулиан?

Хотелось традиционно обвинить в случившемся только моих спутников, да не получалось, не в этот раз. Понимаю, статистика на моей стороне, и нынешнее происшествие вполне гармонично вписалось бы в череду их предыдущих кретинских поступков. Но себя я обманывать не люблю, а только перед собой мне и приходится держать ответ.

На этот раз виноваты обе стороны. И под сторонами я имею в виду себя и деятельный, но нервный коллектив, пытавшийся починить двигатель. Мутант полноценной стороной считаться не может, потому что он безмозглый в самом прямом смысле слова. Я понимаю, что кому-то из побывавших там его атаки будут сниться в ночных кошмарах. Но подвох в том, что это были не атаки, а реакция – разные виды поведения, сейчас это важно.

Моя ошибка очевидна: я не предупредил своих спутников о том, что в зал пятого двигателя лучше не соваться, и не поставил никаких ограничений в буферной зоне. Сам-то я давно начал присматриваться к пятому двигателю, еще до того, как этот их хакер с проблемами на детско-родительской теме взялся за ремонт. Да, все двигатели пострадали из-за недавнего захвата станции. Но в большинстве своем это был просто разрыв связи с управляющим элементом, все равно что кабель потерять, а потом вернуть на место, ничего особенного.

Пятый же двигатель сразу проявлял аномальную активность, его мощность была нестабильной, а расход энергии колебался слишком сильно при одинаковом режиме работы. Я это заметил, но истолковать не смог, теория тут спотыкалась и крошилась. Тогда я попросту подкинул в зал двигателя робота, меня-то туда отправлять жалко. Робот обнаружил отсутствие света и притаившуюся внутри форму жизни. Правда, на тот момент она была меньше, чем при нападении на Миру и другие ходячие декорации... Но все равно достаточно большой, чтобы я предпочел держаться от нее подальше. Определять, хищное это нечто или нет, я планировал на мертвых телах, благо их сейчас в избытке. Однако пока я ходил за ними, более благонадежные члены экипажа пожаловали приносить пользу, а устроили бардак. Как обычно.

Ошибкой Миры было не то, что она не предугадала появление формы жизни там, где жизни быть не могло. Нет, прокол в том, что она не поступила как я: не послала туда робота. После захвата станции это было бы самым правильным решением. Но Мира попала в ловушку привычной логики: она считала, что там не может быть ничего живого, просто потому что не может быть. Как бы оно туда пробралось? Зачем? Это ведь так сильно отличается от типичного поведения существа, с которым мы уже столкнулись!

Вот оно, это опасное слово: типичного. Мы знакомы с этим созданием несколько дней, что мы вообще знаем о его типичном поведении? В одной ситуации оно вело себя вот так, в другой – иначе. Может, оно вообще типично переменчивое!

Так что свою ошибку я обозначил, а ошибку второй стороны записал на и без того бесконечный счет ее провалов. Долго сокрушаться о прошлом не было смысла, нужно было действовать как можно скорее.

Когда Мира доложила о случившемся адмиралу, руководство «Виа Ферраты» занялось своим любимым делом: созвало совещание. Присутствовать полагалось боссам высшего и среднего порядка. И ведь вроде как умные люди на борту есть, а никак не поймут: чем больше голосов, тем дольше истерика, тем больше времени отнимает поиск выхода. Самые сложные и правильные решения нужно принимать в одиночестве.

Но если этого никто не понял до сих пор, то уже и вряд ли поймут. Я все равно не отказался присутствовать, когда они меня пригласили. Во-первых, их болтовня не мешает мне думать – а подумать тут есть над чем. Во-вторых, мне любопытно понаблюдать, в каком они все состоянии сейчас, через несколько дней после захвата станции.

Не могу сказать, что и сам я до конца восстановился. Мне проще: есть опыт работы в состоянии, когда я чуть ли не на части распадаюсь. Но таким лучше не увлекаться, поэтому я и посылаю на разведку роботов. Думаю, на окончательное исцеление травмы уйдет еще неделя даже при том, что мне удалось подобрать неплохую программу лечения. До того, как я восстановлюсь, местные активисты пригодятся мне еще и как ресурс, они помогут снизить нагрузку на мое собственное тело: все, что можно, я сделаю их руками.

Определенный толк от них уже был: пока шла подготовка к совещанию, они подослали в пятый двигатель дронов-разведчиков. Причем отпирать для этого буферную зону не стали, использовали малые технические ходы, тоже умное решение. Получив от меня подачку, наш фаршеподобный друг унялся, но это ненадолго. На дроны мутант пока не реагировал – точно так же, как не реагировал на робота-разведчика, которого я прислал туда изначально. Хотелось бы верить, что перед машинами он вообще уязвим, но это вряд ли. Как только они начнут в него стрелять, он мигом растеряет безразличие к ним.

Пока же это нечто позволяло роботам существовать в своем пространстве, освещение, налаженное Мирой, не отключилось, и у всех присутствующих на совещании была возможность наблюдать великолепную, прямо как в кино, картинку.

Зрелище, надо сказать, было угнетающее. Настолько, что в первые минуты молчали все – а ведь это люди, которые недавно червей из головы вытягивали! Впрочем, их можно понять. Это давно известный элемент космической психологии: того, что ему подобно, человек порой боится больше, чем бесконечно далекого от него монстра.

А то, что обосновалось в пятом двигателе было очень даже подобно. Это было заметно уже во время битвы, теперь же оно еще больше подросло. Единого тела у него по-прежнему не было... Точнее, единым-то оно было, если присмотреться внимательней, можно было разглядеть, что каждый фрагмент соединен с остальными как минимум одним сосудом, отдаленно напоминающим младенческую пуповину. Но в целом, нагромождение плоти выглядело так, будто какой-то гигант проглотил гранату, а она вполне закономерно разорвала его на части. На разные элементы двигателя налипали отдельные органы человеческого тела, внешние и внутренние, неизменно большие и искаженные.

Тут была, собственно, голова, которая недавно пыталась поглотить Миру, Сатурнио и мамкиного хакера, а потом довольствовалась принесенными мной трупами. Что любопытно, за прошедшие часы она успела измениться, хотя в ее случае сложно сказать, эволюция это была или деградация. Как бы то ни было, пасть уродца стала намного больше, челюсти – мощнее, ноздри расширились до двух черных провалов, думаю, запах оно чувствует хорошо. А вот верхняя половина головы ужалась за ненужностью, сильно сомневаюсь, что там есть хоть какое-то подобие мозга. В итоге скошенный лоб начинался прямо над ноздрями, а затылок сливался с мощной, похожей на гигантскую змею шеей.

Рук я насчитал пять штук – они формировались не парами, потому что смысла в парах не было – нет плечевого пояса. Каждая из них была по большей части человеческой, хотя пальцы получались то короче, то длиннее, чаще всего с когтями, изредка – с крепкими человеческими ногтями. Запястья были еще более-менее сформированными, ну а дальше вились крупные переплетения вен, сухожилий и искаженных мышц. Уходило все это куда-то на глубину, к нижней части зала, но сильно сомневаюсь, что там находилось единое тело, скорее, очередное переплетение плоти, похожее на тугой узел.

Почему сомневаюсь? А зачем ему вообще тело, если у него внутренние органы сформированы по отдельности? Есть довольно крупный желудок, опутанный канатами-пуповинами. Есть узнаваемая, хотя и недоразвитая печень. Одна почка примерно на средней стадии формирования, вторая только-только появилась рядом. На глубине, думаю, еще что-нибудь найдется, но это не так важно, нет смысла рисковать дронами, посылая их туда.

Для нас значение имеет скорее общая картина: разные элементы тела выются в воздухе или налипают на стены и колонны. Во всем этом нет гармонии, присущей полноценной форме жизни, и не важно, земной или инопланетной. Это нагромождение всего и сразу, которое вроде как не должно существовать, но существует. Вон, под полотком уже вылупился большой, диаметром метра три, глаз. Пока что он перевит кровавыми прожилками и закрыт бельмом. Но, думаю, в итоге он проморгается и научится видеть. Оно чуть не разделало самого сильного кочевника вслепую, дальше будет только интересней.

Пока остальные скорбно молчали, я проверял данные от других дронов-разведчиков, которых разослал по станции. Прелесть всеобщей разрухи: никто толком не следит за оборудованием и не задает дурацких вопросов. Такому впору порадоваться, но ничего, похожего на радость, я не чувствовал, потому что мне решительно не нравились данные, которые передавали на мой личный компьютер роботы.

Всеобщее безмолвное уныние нарушила Елена Согард:

– Кто-нибудь может объяснить мне, с чем мы имеем дело?

Она все эти дни держится не плохо – но и не хорошо. Видно, что она истощена. Думаю, многие списали бы всё на ее возраст, но были бы неправы. Насколько мне известно, после освобождения станции адмирал отказалась от госпитализации и лично следила за тем, как ведутся восстановительные работы. Она была везде и сразу, а такого при здоровом восьмичасовом сне не добьешься. Скорее всего, спит она от силы часа три-четыре, остальное время сидит на стульях. Отсюда болезненная бледность и круги под глазами. Она не сорвется – не вчерашняя кадетка ведь, знает свой предел. Но в долгосрочной перспективе «Виа Феррата» может сменить лидера раньше, чем хотелось бы. С другой стороны, кто планирует долгую жизнь в Секторе Фобос?

Елена перевела взгляд на невысокого, крепкого мужчину лет тридцати пяти, который с самого начала совещания не мог скрыть нервный тик. Для всех присутствующих он обозначил себя белым халатом, в котором не было никакой практической необходимости. Но он явно стеснялся здесь находиться и пытался любым способом доказать, что он не самозванец.

Мне и без белого халата известно, кто он такой, подобные моменты лучше держать под контролем. Эдгар Далин, был главой лабораторного сектора, принял роль главы научного

отдела после того, как его предшественницу, Киану Бокео, разметало по станции при захвате. Судя по тому, что я прочитал в его личном деле, талантливый ученый, но на редкость бездарный управленец – у улиточки в инкубаторе больше лидерских качеств, чем у него. В файле было сказано, что на Земле у него остались жена и шестеро детей. Вроде как традиционный для рода человеческого символ мужественности, вот это активное размножение. Но в психологическом профиле Эдгара было сказано, что большая семья была инициативой жены, которой муж просто не сумел сопротивляться. Зато когда появилась возможность на десять лет удрать в Сектор Фобос, Эдгар подписал контракт, не читая.

В сухом остатке это не тот человек, который решит наши проблемы. Но я понимаю, почему Елена его назначила: сейчас ей нужна хотя бы иллюзия порядка. Про листовки, призывающие к протестам, мне тоже известно, однако на них пока нет смысла обращать внимание. Есть проблемы, которые следует решать немедленно, а есть те, которым просто необходимо позволить развитие. Листовки относились ко второму типу, активный набор кишок в двигателе – к первому.

Эдгар вполне оправдал мои ожидания, когда пробубнил:

– У нас пока нет версий насчет того, что это такое, но мы продолжаем работу.

– Понятно, – кивнула Елена с таким видом, будто по этому набору слов действительно можно было что-то понять. – У медицинского отдела версии есть?

– Версий нет, есть информация, – отозвался Петер Луйе.

Некоторое время у меня не было четкого мнения насчет главного медика станции, но в конце концов я пришел к выводу, что он мне скорее симпатичен. Начать хотя бы с того, что старик неубиваем. Ему досталось от паразита не меньше, чем остальным, но держится он лучше иных малолеток. Не помню, сколько ему лет, а лезть в архив мне лень. Примерно под сотню – еще не долгожитель по нынешним меркам, но близится к этому. Однако ж ясности ума ему не занимать, а свой отдел он держит железной рукой. Основной причиной можно считать профессиональный цинизм, а может, и еще что-то есть, это не так важно. Главное здесь одно: Петер Луйе приносит реальную пользу.

Вот и теперь он не стал сотрясаться при виде развешанных по канатам внутренностей, он сообщил:

– Образцов мне не передавали, и это хорошо – нет гарантий, что они не перережут моим людям горло и не попытаются захватить станцию. Но я изучил показания медицинских сканеров, которые мы туда послали. Все, что вы видите сейчас перед собой, – человеческие ткани без распознаваемых – по крайней мере, при удаленном обследовании! – инопланетных элементов.

Отто Барретт, сидящий напротив него, набрал команду на панели управления, заставляя камеру крупным планом показать пульсирующий венами нарост на металлической стене.

– Это желудок размером примерно два на четыре метра, – невозмутимо заявил глава полиции. – И вы утверждаете, что это человеческий орган?

Кого-то другого этот ледяной тон и взгляд старого варана смутили бы, Петера – нет, у него иммунитет. Полагаю, это одна из причин, по которым Елена сделала врача своим заместителем.

– Ткани человеческие, – уточнил Петер. – А сам желудок человеку не принадлежит, значит, и человеческим органом называться не может.

– Давайте не будем жонглировать формулировками, – вмешалась Елена. – Нам нужно хотя бы приблизительно обозначить, что это такое и откуда оно взялось, чтобы найти способ с этим бороться.

Пока что мутант давал им всем поблажку, позволяя эту болтовню. Он больше не дергался, уродливую башку он опустил на металлический пол, руки тоже висели расслабленно. Глаз был открыт, так ему и закрываться нечем – веки не сформировались. Раньше он дергался под бельмом, теперь застыл, этого достаточно, чтобы предположить: существо спит.

Только это долго не продлится, скоро проснется и начнет гадить. Кстати, об этом... Любопытно мне, что будет, когда оно сформирует кишечник и прилегающие органы. Но обо всем по порядку.

В зале становится шумно, так обычно и бывает после шокированной тишины. Удивление отпускает, страх требует действия. А поскольку для полноценного действия маловато данных, оно сменяется пустословием. Именно на этом психологическом принципе зародилась когда-то бюрократия.

В иных обстоятельствах я ожидал бы толковых мыслей от Миры, но сейчас она сидит молча, не похоже, что даже вслушивается в окружающую болтовню. Она думает о чем-то – и не факт, что о природе мутанта. Вполне вероятно, моя вовремя подброшенная шутка, не претендующая на изысканное остроумие, попала в цель, этого я и добивался.

Так что теперь Мира вполне может подвиснуть на теме того, почему же за ней шатался Сатурио, и эти двое наконец начнут присматриваться друг к другу по-новому. Да, я этого добиваюсь, но не потому, что меня волнует их потенциальное «долго и счастливо».

За свою жизнь мне доводилось охотиться за разными людьми, и далеко не все из них обладали интеллектом макаки, добравшейся до дубины. С такими разобраться было как раз проще. Куда больший вызов представляли собой те мишени, которые владели деньгами, людьми и территориями. Некоторым хватало мозгов на организацию охраны военного уровня. У некоторых в распоряжении были все ресурсы колонии. К таким попробуй, подберись!

Так что быстро пришлось усвоить: переть танком не получится, не всегда так точно. Чтобы составить толковый план, нужно в первую очередь вычислить уязвимость жертвы. И в абсолютном большинстве случаев такими уязвимостями становились личные связи.

Наивно предполагать, что прогнивший изнутри человек не способен на любовь. Способен, еще как! За эмоциональную привязанность и агрессию отвечают разные инстинкты, далеко не все безжалостные преступники – клинические психопаты. Они просто очень четко делят мир на «своих» и «чужих», на том и строят моральную картину мира. Один и тот же человек может читать сказку на ночь своим детям, а на следующий день вырезать внутренности чужим. Целовать свою жену – и насиловать чужую. Он еще и оправдывает себя этим будет: я стараюсь ради лучшей жизни для моего потомства!

И вот именно это и было уязвимостью. Жены и дети. Матери и отцы, братья и сестры. Любовницы и друзья. Мужья любовниц и жены друзей. Прислуга, которая стала как родная, и подобранная на улице собачка по имени Антон. Список может получиться долгим. Но когда приходила смерть, представленная моей скромной персоной, уязвимость срабатывала всегда, пусть и по-разному. Кто-то попадался на том, что пытался спасти всех и сразу. Кто-то плевать хотел на любимых и спасти желал исключительно себя, но вся эта расплывшаяся за сытые годы камарилья ему активно мешала, вязкой глиной налипала на ноги, а потом становилось слишком поздно.

Все это плавно подводит нас к нынешней ситуации. На «Виа Феррате» не так уж много людей, которые способны представлять для меня угрозу в одиночку. Мира и Сатурио Барретт определенно окажутся на вершине рейтинга. Мира сама по себе не опасна, но ликвидатор внутри нее – совсем другая история. Сатурио я однажды победил, однако я не могу гарантировать, что следующая схватка, если до нее дойдет, завершится так же. Да и от воспоминаний о прежней победе у меня до сих пор ребра ноют. При этом врагами я этих двоих не считаю и убивать не хочу, мне выгоднее ослабить их мирным способом.

Тратить время на активное сводничество я не планирую, да и не нужно оно – иногда достаточно вовремя сказанного слова. Именно слово порождает мышление, настраивает на нужный лад, а если очень повезет, меняет картину мира. Грандиозную лавину порой способен сдвинуть маленький камешек. Я не уверен пока, получится у меня или нет, но при идеальном раскладе Мира будет еще больше сомневаться, прежде чем выпустить ликвидатора, чтобы эта

неконтролируемая зверюшка не прокусила лысину ее новому возлюбленному. Сатурио же начнет метаться между верностью семье и высоким чувством. Короче, обоим станет не до меня.

Поток мыслей о стратегии, не имеющей ничего общего со спасением станции, прерывает голос Елены Согард:

– Павел, а что думаете вы?

Вот в этот вопрос все обычно и утыкается. Это усвоили даже самые твердолобые представители экипажа, на совещаниях давно уже не звучат философские рассуждения вроде «А кто пустил сюда маньяка, он же нам весь стол изгадит?!» Нельзя сказать, что я проникся осознанием своей роли на «Виа Феррате», готов сплести венок из ромашек и водить хороводы с новыми друзьями. Но сам я проблему не решаю – и я завишу от станции точно так же, как остальные. Поэтому на сей раз я ничего скрывать не планирую.

Прежде, чем ответить, я подключил личный компьютер к общей системе. Благодаря этому я смог показать остальным то, что совсем недавно разглядывал сам. На трехмерном экране появились изображения двух других двигателей. Свет там по-прежнему работал, куски плоти со стен не свисали, и из-за этого казалось, что все в порядке. Я не стал дожидаться, пока остальные разберутся, что к чему, вывел на экран изображения тех частей зала, что нам нужны.

В обоих можно было разглядеть бело-серую массу, закрепившуюся в опасной близости к реактору. Четкой формы у нее не было, она казалась мягкой, но не слишком, как резина или силикон. Она не шевелилась, не истекала слизью, можно было предположить, что это вообще не живое существо. Однако все присутствующие прекрасно знали, что ничего подобного в двигателях быть не должно, и добраться оно туда могло только своим ходом.

Причем если мутант в пятом двигателе был чем-то принципиально новым, то этот нарост мы уже видели раньше – или нечто чертовски на него похожее. Таковую дрянь мы привезли на челноке, вернувшись с водного спутника. Именно она впоследствии послужила основой для червей, захвативших станцию.

Сейчас материя не пыталась преобразоваться в очередную смертоносную сеть, висела себе на реакторах и все. Но безопасной ее точно никто бы не назвал.

– Это двигатели номер один и семь, – пояснил я. – Остальные чисты. Но нам и того, что есть, хватит сполна.

– Но ведь это катастрофа! – воскликнул Альберт Личек. – Мы уже под угрозой, а если мы потеряем три двигателя сразу... Мы все умрем!

Не знаю, зачем его каждый раз на совещания пускают. Толковых советов от него не было никогда. Хотя, может, с его помощью адмирал просчитывает фактор истерики: то, что сейчас восклицает Личек, будут орать возмущенные массы, если до протестов все-таки дойдет.

– Никто не говорит о потере даже одного двигателя, – отрезала Елена. – О трех и думать не стоит. Тем не менее, это важно. Похоже, существо все-таки сумело пережить атаку...

– Да и нет, – заметил я.

– Что вы имеете в виду?

Я много что имею в виду, просто объяснять это не люблю. Мне неизменно приходится подбирать слова, чтобы попасть в средний уровень развития по станции, да и маньяк, который объясняется, теряет баллы как мистический демон.

На мою удачу, Мира решила выйти из любовного анабиоза и все-таки заговорила по делу:

– Кажется, я знаю, что происходит... Если помните, существо, захватившее станцию, изначально прибыло на «Виа Феррату» двумя элементами, а потом только соединилось и начало действовать. Довольно большой объем... плоти, скажем так, находился на челноке, он был очень похож на то, что сейчас обосновалось в двигателях, и никакой активности не проявлял. А потом внутри Кианы развился другой подвид паразита, управляющий элемент, он и призвал вот этот запас плоти – и начался захват.

Ну, почти. Девять из десяти.

– Они одинаковые, – уточнил я. – То, что прибыло на челноке, и то, что заразило Киану, изначально было одинаковой сущностью. Это куда более вероятно, чем то, что ей за пятиминутный заплыв попался какой-то уникальный царь-паразит.

– Но почему они тогда вели себя по-разному? – спросил Отто Барретт. – Мозговой центр был, очевидно, один.

Я думал, что ответит ему Луйе, но тут решил активизироваться Эдгар Далин. И если управленец в нем был мертв не то что до рождения – до зачатия, то ученый умел выходить из норы и даже не щуриться на солнце.

– Мозговой центр был один, потому что он был создан, а не изначально отличался от других представителей вида, – затараторил Эдгар, глядя на гладкую поверхность стола. – Похоже, сам принцип жизни этого существа подразумевает обязательную адаптацию. Оно рождается в состоянии нейтральной материи, а вот активно жить в таком состоянии не может. Оно знает об этом, и его ограниченный набор инстинктов требует найти более сложную форму жизни и присосаться к ней. Как нам известно из отчетов о миссии, оно поступало так до прибытия людей. Когда же в его распоряжении оказались люди, оно подстроилось, получило необходимое развитие, просто это отняло больше времени, чем в привычных условиях. Зато когда оно было готово, оно призвало всю имевшуюся поблизости нейтральную материю, которую мы видели на записи.

– То есть, это нечто прибыло на станцию, чтобы в итоге подчиниться мозговому центру? – уточнил Барретт.

– Нет, оно, вероятнее всего, ожидало возможности дотянуться до организма-донора. Но поскольку Киана была заражена раньше, мозговой центр развился в ней, и это не понадобилось. Когда подготовка была завершена, два элемента плоти соединились, и начался захват добычи. Если учитывать, что это существо зародилось в океане, который периодически подвергался агрессивному воздействию близкой планеты, это очень толковая форма выживания: возможность собрать и объединить все оставшиеся элементы плоти.

– Хорошо, но что тогда вот это? – Елена настроила экран так, чтобы все собравшиеся видели три двигателя одновременно.

Тут Эдгар ненадолго задумался, и я уж было решил, что он снова уйдет в себя и закроется изнутри. Но нет, он подгрузился, как старый компьютер, а потом снова затараторил:

– Это потомство существа, которое контролировало станцию, та самая нейтральная материя. Похоже, любых живых существ оно воспринимало не только как добычу, но и как источник опасности. При таком раскладе логично оставить потомство в месте, где других живых существ нет вообще.

Кстати, он прав... Я думал о том же по сути, но причину, по которой существо выбрало двигатели, видел в другом. Скорее всего, правы мы оба.

– Не рано ли оно задумалось о потомстве? – засомневался Барретт. – Мы все были пойманы – но не все подчинены.

– Ну и что? – в приступе научного энтузиазма Эдгар забыл, что боится начальника полиции. – Даже на Земле далеко не все формы жизни выжидают идеальных условий, чтобы размножиться – ведь идеальные условия могут не наступить никогда! И это в том случае, когда мы говорим о половом размножении. Здесь же у нас не оно, даже близко – нет. Мы уже выяснили, что эволюция рода идет за счет сложного организма, к которому это существо прицепится. Следовательно, его потомство – это полностью нейтральная материя, которую оно, пусть и преобразуясь, вырабатывает в чистом виде. Думаю, это в него заложено на генетическом уровне.

– И все же я согласен с Отто, размножение кажется слишком поспешным, – задумался Петер.

Тут Эдгар вышел на невиданный прежде уровень смелости: он начал спорить с двумя большими боссами сразу.

– Да нет же! Вспомните, в какой среде это существо вывелось! На его родной планете, точнее, спутнике... Сейчас это не принципиально! Так вот, на его родной планете тотальное уничтожение большинства форм жизни наступает регулярно, и не важно, кто к этому готов, кто нет. Скорее всего, и потребность в размножении тоже была заложена в существо на циклическом уровне. Если я прав, не так важно, как протекало поглощение экипажа, создание размножилось, когда потребовалось. А то, что оно не вошло в полную силу и действовало несколько преждевременно, косвенно подтверждается тем, что оно успело оставить нейтральную материю не во всех двигателях, а только в трех!

Неплохо... Мой предварительный вердикт по поводу Эдгара Далина: как ученый он действительно хорош, соображает намного быстрее, чем его ныне шелушащаяся бывшая начальница. А вот к административным делам его не следует подпускать на лазерный выстрел. Если у нас тут наряду с плесенью выведутся повстанцы любого толка, Эдгар способен поддаться их влиянию удручающе быстро. Такие, как он, обычно присягают на верность тому, кто способен ударить посильнее.

Очень надеюсь, что Елена Согард поймет это сама и мне не придется вмешиваться.

– Хорошо, допустим, вы правы, – кивнул Петер. – Но как вы объясните вот это?

Он указал на экран, отображавший ситуацию в пятом двигателе. Существо все еще спало, но не так крепко, как раньше. Начало дергаться... Плохо, возможно, скоро проснется. Следовательно, сеанс болтовни пора заканчивать.

Я надеялся, что Эдгар и дальше продолжит занимательный урок инопланетной биологии, однако он завис. Вряд ли он ни о чем не догадывался, он уже наглядно продемонстрировал, что далеко не debil. Скорее, в игру снова вступила его фирменная нерешительность: он бодро говорил, только когда был уверен в своих словах.

Время поджимало, пришлось вмешаться мне:

– Вот это – результат того, что кладка делалась последней. Тут возможны два сценария. Первый – существо сообразило, что умирает, и успело передать нейтральной материи ключевую ДНК, превращающую ее в самостоятельную форму жизни. Второй – это произошло случайно: нить, связывавшая нейтральную материю и живое существо, не была отсоединена как следует, и в материю попала остаточная ДНК. Для нас причина не так важна, как результат: из нейтральной материи образовалась новая форма жизни.

– Не слишком ли вы все упрощаете? – нахмурился Петер.

Я никогда не славился милосердием, но тут собирался его проявить: если бы они поведали мне на слово, я не стал бы тыкать их мордочками в доказательства. Но кое-кто решил позволить себе любознательность, так что страдать придется всем.

Я запустил компьютерную симуляцию, выведившую картинку на общий экран. Она собрала фрагменты нового уродца, имевшие хоть какое-то отношение к лицу – челюсть эту, глаз... Потом она вывела рядом фотографию из личного дела Кианы Бокео. Человек совпадение бы не увидел, но компьютерная программа, лишенная сентиментальности, обнаружила сходство по ряду ключевых точек.

Кто-то тихо выругался, кто-то охнул, кто-то побледнел. Чрезмерная эмпатия не щадит нервы. Но своего я все-таки добился: они перестали сомневаться в моих словах.

– Так значит, это новая версия того, что захватило станцию? – спросил Барретт.

– Даже близко – нет, – покачал головой я. – Это нечто новое. Как видите, ущербное и все равно живучее. Думаю, доводы Луйе о том, что это человек, были верны. Но мутант не способен полностью воспроизвести человеческий организм, он оказался в эволюционном тупике.

– Но почему? – нахмурилась Мира. – Это противоречит самой его сути, нейтральная материя создана для того, чтобы жить самостоятельно...

– Если получит контрольный образец ДНК, – напомнил я.

– Так она ведь получила!

– Разве?

Мира, к ее чести, перестала тупить, она поняла, на что я намекаю.

– Нет... Ты прав, не получила!

– А можно пояснение для тех, кто не разбирается в мутации? – потребовал Отто Барретт. Хотя, конечно, не его ртом такие претензии предъявлять – учитывая, кто у него в наследниках ходит.

Мира иронию ситуации не оценила, она ответила вполне серьезно:

– Если мы все поняли правильно, природа этого существа предполагает слияние с новым организмом, не родственным ему. Вот на это он настроен идеально, потому и захватил Киану! Но то, что сидит в пятом двигателе, получило не новый образец ДНК, а вторичный, уже один раз использованный. Извиняюсь за упрощение, но это можно воспринимать как скоростной инбридинг – а из-за него и на Земле рождаются уродцы.

– Если так, то достаточно просто подождать, чтобы оно само умерло? – с надеждой спросил Личек. – Посмотрите на него, оно же явно нежизнеспособно!

Явно нежизнеспособно, это факт. А чувствует себя прекрасно, но на это кое-кому выгодно не обращать внимания. Хотя я не исключаю, что мышление Личека замедляет совершенно искренняя трусость, семейная реликвия, так сказать.

Они все снова падают в колею земного мышления. Понятно, что человек ищет подобие для познания нового, но мы-то в Секторе Фобос не первый день! То, что творится здесь, нужно изучать как уникальное явление, каждый раз, а не прикрываться очень удобным аргументом «Так не бывает!». На Земле не бывает, здесь бывает. Да и оправдываться не перед кем: Сектор Фобос их совершенно немотивированно раздавит и продолжит существовать дальше.

Пока я с тоской размышлял о среднем уровне интеллекта на станции, Мира снова решила меня порадовать, хотя вряд ли она осознавала, что делает это.

– Не стоит забывать о двойной природе этого существа, – сказала она. – Есть его материальная суть – а есть энергетическая. Каким-то образом оно может управлять своим телом на расстоянии, оно ведь соединило два элемента, когда поработило Киану! Думаю, это же свойство помогло ему создать такую мощную иллюзию для нас. Оно испускает некие волны, пока обозначим так, которые влияют на окружающее пространство. То есть, с энергией оно взаимодействует.

– И вы считаете, что оно использовало это для того, чтобы нарастить первоначальное тело? – снова оживился Эдгар.

– Да, это вероятно... Тогда мы получаем объяснение того, что произошло с двигателем!

И это очень хорошо, что они наконец-то его получают. Теперь они все дошли до того объяснения, которое было у меня изначально – хотя Эдгар его в итоге дополнил, так что я не в накладе.

Существо выбрало двигатели не только потому, что там других форм жизни нет, ему явно реактор приглянулся. Ведь если бы дело было только в уединенных уголках, оно воспользовалось бы другими, поближе к основному телу. А еще оно проигнорировало маневренные и иные малые двигатели, которые получали энергию от единого блока внутри станции. Нет, оно потащилось именно к основным двигателям, у которых был собственный источник питания, причем сделало такое три раза, а это уже не случайность, это система.

На Земле некоторые формы жизни развиваются на минимуме – воды им дай, солнца, и они начнут плодиться. Да, это очень простые формы жизни, но вот вам подобие! Здесь же мы столкнулись с чем-то более сложным. Оно явно порадовалось, получив от меня подкормку в виде трупов. Однако немалую тушу оно нарастило и до этого. За счет чего?

Да как раз за счет того, что присосалось к энергетической системе двигателя! Именно это и свело с ума компьютер. Но как только я подкинул уродцу еду, он переключился на переваривание – и двигатель наконец прекратил работать.

Увы, для нас это означало не победу, а передышку. Пока что мы с уродцем сыграли вничью: он прекратил продвигать нас к неминуемой гибели, а мы дали ему пищу для быстрого развития тела, это видно.

Теперь же развитие прекратилось – и оно заворчалось. Это заметил не только я.

– Нужно его остановить! – взвизгнул Личек.

Я бы на месте адмирала его больше не приглашал, даже из уважения к чувствам паникующих. Его невроз раздражал не только меня, Отто Барретт тоже страдальчески поморщился:

– У вас есть конкретные предложения, Личек?

– Разумеется! Мы должны уничтожить эту тварь так же, как предыдущую!

Надо же, какое ловкое «мы»... Как будто Личек участвовал в чем-то и натруженными руками воевал за судьбу «Виа Ферраты». А на самом деле у него сработал древний чиновничий навык: примазаться к тому, что совершили другие – если дело завершилось успехом. Если же нет, он бы всем не успевшим убежать твердил, что приказ не отдавал и даже рядом не стоял.

Существо, захватившее станцию, убил Лейс Марсад по моей наводке. Признаюсь, это был неслабый такой «прыжок веры» – когда ты ныряешь на глубину и надеешься, что выплывешь, а не разобьешься о камни. Мои расчеты были условными, Лейс свою силу не контролировал. Но выбора не оставалось, пришлось рискнуть.

План сработал, но это не было легкой победой. Подтвердилась и другая моя теория: энергия, сохранявшая в Лейсе жизнь, не была бесконечной. Он отдал значительную ее долю станции и с тех пор валялся в карантинной зоне, не вставая. Врачи боялись его обследовать, поэтому никто толком не мог сказать, когда он поправится – и поправится ли вообще.

Зато я мог сказать кое-что другое:

– Не получится.

– Лейс не переживет это, – добавил Петер. Он не собирался строить из себя пламенного борца за каждую божью тварь, просто обозначал факт. – Его состояние до сих пор нестабильно. Но, если учитывать размер существа и то, сколько сил Лейс потратил на предыдущее... Он совершенно точно и абсолютно безусловно умрет при попытке воздействовать на существо. При этом существо может и выжить.

– Нужно пробовать! – настаивал Личек. – Причем сейчас, пока у Лейса хоть сколько-то сил осталось, а существо не увеличилось!

Интересно, хватит ли ему наглости добавить «от Лейса все равно нет другой пользы» или нет? В панике он мог и ляпнуть такое... Нет, остановился вовремя. Видно, многолетний опыт целования задниц научил не злить начальство даже на подсознательном уровне.

– Это не сработает, даже если пренебречь жизнью Лейса, – вмешался я, и Личек тут же втянул губы по самое горло. Меня он боялся намного больше, чем свое начальство, ну и, в общем, был прав. Елена его не освежает, а я могу.

– Почему ты так считаешь? – осведомился Барретт. – Я не говорю, что мы будем использовать Лейса. Но ты не рассматриваешь его как запасной вариант?

– Он вообще не вариант. Его дар убил существо, сохранив жизнь людям, потому что генетическая природа человека и существа оказалась разной. Но вот этот результат неудачного вскрытия, – я кивнул на экран, – несет в себе гораздо больше человеческого, чем его родитель. Что иронично.

– И если Лейс начнет его убивать, не справится и оно выживет, оно может перезаражать половину станции, стоит ему только вырваться из изоляции! – подхватила Мира.

Я лишь кивнул. Чтобы не портить им настроение еще больше, я не стал уточнять, что, если оно вырвется из изоляции, оно и так найдет способ нас перебить.

Личеку явно хотелось возмутиться, но он пока не наскреб в себе смелости. Вместо него заговорил Отто Барретт:

– Хорошо, что нам тогда остается? Если коротко.

– Кормить его, – отозвался я.

Конечно же, на меня тут же начали пучить глаза все, кому не лень. Сначала они хотят коротко, а потом им все странно и непонятно.

Хотя кое-кто уловил, к чему я клоню.

– В этом есть смысл, – подтвердил Эдгар Далин, напрочь игнорируя тот факт, что во всех моих словах есть смысл. – Пока что у нас есть основания считать, что существо не может питаться двумя способами сразу. Оно или переваривает пищу, или поглощает энергию. И приоритетным путем остается пища, так что если мы ее обеспечим, оно не будет трогать реактор – и двигатель не станет работать.

– Но чем мы его можем кормить? – удивился Личек.

А остальные не удивились, остальные поняли. Это было видно по тому, как они хмурятся, как не решаются смотреть друг другу в глаза. Им было стыдно, они верили, что совершают нечто чудовищное...

Напрасно. Интересно, сколько жизни придется их лупцевать, чтобы выбить всю сентиментальность?

Даже при том, что большинству присутствующих ответ был очевиден, я решил произнести его вслух, чтобы они прекратили изображать созданий, нежных душой и телом.

– Мы будем кормить его трупами. Сейчас у нас их больше четырех сотен, этого хватит надолго.

Ответом мне была гнетущая тишина. Как будто я один видел, что существо уже проснулось и подняло голову, оно, похоже, принохивалось, прикидывая, чем позавтракать.

В это время в беседе решила поучаствовать Ида Толладоттир, которая до этого отмалчивалась. Интересно, в каком состоянии была Елена, когда приглашала на такое собрание психолога? У мозгоправов мнение спрашивать – только время зря терять. Они начинают ныть о высших идеалах, не понимая, что при отсутствии альтернатив любой человек предпочтет посидеть бесправным, но живым.

– Это очень сложная тема, – вещала между тем она. – Отказ от уважения к смерти – первый шаг к расколу цивилизованного общества!

– Именно это – прямо-таки первый? – заинтересовался я. – А не то, что в рекреационной зоне роботов сношают с такой жестокостью, что половина фонда уже в ремонте стоит?

Ида, в отличие от остальных, меня не боится. Нужно будет это исправить, но позже, сейчас не до того.

– Я не говорю, что у нас все хорошо, – заявила она. – Но это не повод делать хуже! Нужно провести общественное обсуждение, узнать мнение...

– А между тем мы вот-вот двинемся. Что вы собирались сделать с этими трупами, сжечь? Так их даже жечь проблема – в режиме экономии всего без исключения. Просто скажите массам, что погибших с достоинством передали космосу. С поправкой на детали это даже будет правдой.

– Но это не решение проблемы как таковой, – отметила Елена.

– Верно, это выигранное время, в которое мы будем искать решение проблемы.

– Если уж вы хотите выигрывать время таким варварским способом, гуманнее скармливать ему мертвых животных, – настаивала Ида.

– Не получится, они уже утилизированы в продукты питания для людей, – отчитался Вёрнар Розенмайер, он ныне следит за распределением ресурсов.

– Тогда живыми! – не сдавалась психолог. – На ферме их осталось не так уж мало.

– Их осталось меньше, чем нам нужно, – сухо уточнил Барретт.

– Да вообще ни одно живое существо ему давать нельзя! – встрял Эдгар. – Ни человека, ни животное, ни даже насекомое, ни в коем случае!

– Почему?

– Теория ДНК, – напомнил я. – Мы пока предполагаем, что оно стало уродцем, едва приспособленным для жизни, потому что не получило нормальный контрольный образец. Но сложно предсказать, что произойдет, если оно сожрет живое существо. Возможно, ничего, и его состояние уже стабилизировалось – даже вот такое, убогое. Но может оказаться, что при получении живого образца существо обретет более пригодную для жизни форму. Поэтому если вы заботитесь о живых, вы будете скормливать мертвых, а параллельно искать способ его убить. С поправкой на то, что это нестабильная инопланетная форма жизни, которая сидит на ядерном реакторе.

– «Если вы заботитесь о живых», – процитировал меня Петер. Ему хватило ума не кривляться, говорю же, старик за жизнь держится. – А вы разве не заботитесь?

Кто-то другой на моем месте, может, и стал бы оправдываться, что, мол, я как все, люблю ребят и котят, не бросайте меня за борт... А я не стал, смысла не видел, если они перестанут во мне нуждаться, и так пристрелят, так что нет причин изображать милягу.

– А я – нет, я верю в старую-добрую истину о том, что каждый сам за себя. Мой вклад во вселенскую доброту заканчивается на том, что я подсказываю вам, как спастись. Но если вы предпочтете благородную смерть, дело ваше. Я найду способ выжить в любом случае.

Мира вынуждена была признать: никакая битва не сравнится с играми разума. Потому что в битве хотя бы все понятно, боль там настоящая, триумф от победы – тоже. А после иллюзии, даже когда все закончилось, ощущение завершенности так и не пришло.

Она, как ни старалась, не могла понять, какие чувства были ее собственными, какие – навязанными ей. И ладно бы чувства, решения! Тот выбор, который она сделала в самом конце... Она действительно предпочла сохранить ликвидатора в себе или существо каким-то образом продиктовало ей такой путь? А смысл, если ликвидатор потом сыграла немалую роль в уничтожении существа?

Днем, когда Мира отвлекалась на работу, она еще могла не думать о случившемся. Но в какой-то момент ей приходилось идти на отдых, никто не позволил бы ей оставаться на ногах круглые сутки. И вот тут память атаковала в полную силу, Мира могла лишь завидовать тем, кто способен отмахнуться от своего прошлого и уверенно двигаться дальше.

Еще одной проблемой стало то, что на нее будто ополчились люди, которых она считала друзьями... Понятно, что Гюрза никогда сентиментальностью не отличался... да и человечностью, если уж говорить совсем открыто. Но Мире казалось, что раньше он относился к ней с большей симпатией, а после истории с Лунаром начал презирать не меньше, чем остальных.

В какой-то момент она отчаялась настолько, что спросила его об этом напрямую. В ответ она получила немигающий взгляд и пояснение:

– Уважаю ли я тебя меньше? Разумеется.

– Но почему?

– Потому что ты докатилась до таких вопросов. Глупее только «А ты меня любишь?»

– Этого не будет, – вздохнула Мира. – Ответ я знала с самого начала.

Еще и кочевники к списку ее личных бед добавились... Они как раз друзьями не были никогда, тут Мира боролась за то, чтобы они не стали врагами! У нее, кажется, получилось, но теперь Сатурио снова за ней следит. И даже то, что в битве он стал на ее сторону, Миру особо не успокаивало: понятно, что при сравнении человека, который ему не нравится, и гигантского окровавленного монстра он все-таки предпочтет человека!

Но почему он следил за ней, даже не зная о монстре? Примитивные манипуляции Гюрзы она всерьез воспринимать не собиралась, она искала причину поважнее. Обдумав все, что ей

известно, Мира пришла к выводу: глава кочевников все-таки счел ликвидатора повышенной угрозой. Да, она снова помогла, когда сдержала существо. Но она продемонстрировала силу, серьезно превышающую возможности кочевников. Вот Сатурио и таскается за ней... Он просто проверяет, насколько она адекватна, или уже подыскивает возможность для нападения?

После того, что случилось в пятом двигателе, он вроде как отстал, у них у всех работы хватало. Но Мира подозревала, что это временная передышка, когда они разберутся с существом, преследование возобновится.

Пожалуй, правильнее было думать «если они разберутся с существом». Но Мира предпочитала «когда», потому что, если не разберутся, все остальные проблемы перестанут иметь значение.

Ну и был еще Рино... С ним все оказалось сложно.

Мира точно знала, что была счастлива с ним во время иллюзии. Подвох, как всегда, таился в деталях: она именно понимала это, чувство счастья не сохранилось. И ведь раньше, до всех этих событий, она не особо-то и нуждалась в его обществе! Будет он рядом – хорошо. Не будет – как будто она до этого одна не жила!

Теперь все изменилось. Связь с ним словно давала ей основания считать себя самым обычным человеком. Мира понимала, что нечестно взваливать на него такую ответственность, но поступить иначе не могла.

Рино подыгрывать ей не спешил. Он не посылал ее подальше открыто, но ускользал от нее с мастерством лучшего из шпионов. Если же они все-таки пересекались в коридорах «Виа Ферраты», выяснялось, что пилот уже куда-то спешит, у него тут срочное задание, но потом они обязательно все обсудят!

То, что он тоже не был готов к финальному решению, жизнь ей не упрощало.

Ситуация рисковала стать выматывающей, когда выход наметился сам собой – то самое добро, без которого не бывает худа. Правда, в этом случае Мира предпочла бы, чтобы не было как раз первопричины их бед... Но Вселенная ее привычно не спрашивала.

Они продолжали поиск способов уничтожить существо, и пока что удача не спешила переходить на их сторону. Сегодня Мире и Рино предстояло провести очередное испытание, ей – как ведущему механику, ему – как лучшему пилоту станции.

В этом задании сложно было все, да еще и обстоятельства работали против них. В любой другой части станции можно было попытаться вышвырнуть уродца в открытый космос, но с двигателями такой трюк не сработает. Эти залы изначально делались укрепленными, лишены связи с опасным внешним окружением. Поэтому теперь у экипажа оставалось всего два варианта: убить мутанта на месте или обездвигить достаточно надежно, чтобы его можно было пронести через буферную зону к ближайшим воротам.

Пока что они терпели неудачу по всем пунктам. Умирать оно упорно отказывалось: крупные орудия тут использоваться не могли, а после любых ранений, нанесенных средними и мелкими, уродец неизменно восстанавливался. Иногда он и вовсе не замечал, что на него кто-то там нападает, это было унижительно, но хотя бы не опасно.

Хуже получалось, если им все-таки удавалось причинить ему боль. Существо мгновенно зверело, оно атаковало не только обидчиков, оно било во все подряд – включая ядерный реактор. И в этом случае был лишь один способ успокоить его: ему скармливали новые тела. Оно быстро исцеляло раны и заваливалось спать.

А еще оно становилось крупнее с каждой новой жертвой. Уже сейчас Мира сомневалась, что у них получится его вынести, не разделяя на части. А дальше и этот вариант отпадет, останется только убийство...

Сегодня им предстоял эксперимент с холодом. Такое оружие многие хотели использовать сразу, но медлили из-за размера существа. Теперь же Мире и другим инженерам удалось подобрать нужную смесь, разместить ее по зарядам, чтобы получились криобомбы малого раз-

мера. В идеале каждая из них могла уничтожить значительную часть плоти существа без риска повредить двигатель. Но где его найти, тот идеал?

Соваться туда лично операторам никто бы не позволил, бомбы доставляли дроны, на этот раз сервисные – в боевых не было смысла. При таком задании очень важен тонкий контроль, поэтому дело поручили Рино. Мире предстояло помогать ему, менять настройки и составлять новую схему действия, если понадобится.

Все это означало, что они остались вдвоем в тесном темном зале, большая часть которого оказалась занята мониторами. Вроде как идеальные условия для разговора – если не учитывать, что болтать о личном они не имеют права.

Рино не отказывался работать с ней, общался вежливо, приветливо даже, и все же напряженность не исчезала ни на миг. Вот и снова игры разума... В поступке или слове кого-то можно обвинить открыто. В отношении – нет, тут обвиняющая сторона сама себя подставит.

– Вы уже вычислили, что будет при худшем раскладе? – спросил Рино, не отрывая взгляда от монитора.

– А что ты считаешь худшим раскладом?

– Уничтожение двигателя вместе с тварюшкой.

Такой сценарий действительно рассматривали, он был выполнимым, хоть и опасным. Ну а что сейчас не опасно? Если бы они отсекали пятый двигатель по линии буферной зоны, они минимизировали бы повреждения станции... Но и только. Если учитывать, что им предстоит двигаться сквозь Сектор Фобос непонятно сколько, радости в этом никакой.

– «Виа Феррата» продолжит полет, но несколько секторов на месте отсеченного двигателя придется отселить, – ответила Мира. – Все это неизбежно скажется на скорости и маневренности. А опаснее всего то, что это вряд ли действительно худший расклад.

– А что тогда?

– Давай не будем об этом. Лучше сейчас всех спасем и станем героями дня!

Она попыталась улыбнуться, но получилось настолько неубедительно, что даже обычно жизнерадостный до неадекватности Рино не улыбнулся в ответ. А может, и неправильно это по определению – улыбаться на станции, которую еще от крови толком не отмыли.

Для этого эксперимента им предоставили две дюжины малых роботов. Управлять ими должен был один человек, выстраивая единую систему, поэтому действовать предстояло только Рино, и на Миру это немного давило – вынужденная беспомощность. Но приказы руководства не обсуждаются, ей оставалось просто ждать.

Роботы выстроились перед люком буферной зоны. Мира проверила настройки и на всякий случай спросила:

– Готов?

– Естественно.

И снова все то же напряжение, несвойственное ему раньше. Хотя на этот раз Мира такое на свой счет не отнесла – тут вся ситуация легкости и бодрости не способствует! Рино прекрасно знал, что на кону.

Внешний люк открылся, пропуская их внутрь. Роботы прошли в буферную зону, там система некоторое время сканировала их, очищала, готовила к допуску. Последняя минута передышки, а дальше... Новый кошмар, пожалуй.

Мира уже сталкивалась с существом лично и наблюдала за ним через камеры, как и остальные. Но это все равно не могло в полной мере подготовить ее к нынешнему моменту – здесь, в комнате, полной экранов, сиявших так ярко на фоне общей темноты, ей казалось, что она снова стоит там, чувствует запах сырого мяса и свежей крови...

Хотя существо уже выглядело иначе, хуже и лучше одновременно. Насколько было известно Мире, оно поглотило не меньше пятидесяти трупов. В итоге оно разрослось, распространилось – и стало более совершенным. Нет, оно по-прежнему не напоминало полноцен-

ную форму жизни, но на в прошлом оголенных мышцах сформировалась розовато-белая кожа, один глаз определенно начал видеть, неподалеку формировался второй.

Это неприятно ударило по Мире, а Рино напрягся еще больше.

– Мы должны уничтожить эту тварь, а мы раскармливаем ее! – процедил пилот сквозь сжатые зубы.

– Зато отдаляемся от угрозы, – напомнила Мира.

Они действительно старались использовать периоды, когда пятый двигатель прекращал работать, по полной. Этот план, как ни странно, придумал Личек... А может, и не странно? Его все-таки отправили на «Виа Феррату» не только за умение спину прогибать! Когда речь зашла о сохранении и его жизни, он проявил чудеса сообразительности.

Благодаря его расчетам корабли сопровождения отталкивали станцию назад во время каждой паузы. Да, таким образом удавалось выиграть не самое значительное расстояние. Но в их случае речь шла о дополнительных часах на поиск решения – и это было важно.

Именно поэтому «кормление» не прекращалось. Прямо сейчас уродец спал, а в коридоре уже было сложено пять мертвых тел в специальных мешках, чтобы мутант не почувал их раньше времени. Их всегда доставляли в зал перед очередным сеансом испытаний: если что-то пойдет не так, роботам предстояло пробить мешок, чтобы до уродца дошел запах еды. Он отвлечется, а они сбегут, это каждый раз срабатывало. Да и легче становилось от этих плотных мешков... Мира приучила себя верить, что в них находится специально подобранное вещество, а вовсе не мертвые люди.

Рино больше ничего не говорил, но Мира видела, как он напряжен, как пульсируют под кожей вены, каким холодным стал взгляд. Ей хотелось сделать хоть что-то, а она никак не могла придумать, что именно.

Ему сейчас было проще, как бы чудовищно это ни звучало. Он должен был постоянно сосредотачиваться, ни единой паузы, ни минуты на то, чтобы поразмыслить о происходящем. Рино вывел роботов на позиции, следуя схеме, нарисованной на экране.

– План помнишь? – на всякий случай уточнила Мира. – Я могу скинуть его вот на этот монитор...

– Не надо, не лезь! – отмахнулся пилот. – Погнались!

Им предстояло атаковать несколько раз... Если, конечно, не получится навредить мутанту с первой попытки, но когда им так везло?

Для начала Рино разместил двенадцать роботов по периметру атриума, остальным предстояло оставаться в резерве. Несмотря на то, что существо уже не раз атаковали с помощью машин, оно пока не научилось воспринимать их как угрозу... Может, и не научится никогда, Гюрза сказал, что полноценный разум у мутанта не разовьется без новой ДНК.

Так что подготовка к первой атаке была быстрой, роботы сбросили криобомбы с синхронностью, на которую люди просто не способны. Да и меткость не подкачала: каждый снаряд попал точно в цель. Первая часть плана была проста – обратить в лед все части тела, с помощью которых существо зависало над атриумом, обрушить вниз, там уже заморозить окончательно. Но это при лучшем раскладе, могло ведь получиться...

А не получилось. Не потому, что Рино что-то сделал не так, с машинами он всегда управлялся отменно. Просто любые расчеты сейчас были условны, они слишком мало знали о мутанте, и теперь оказались неправы. Взрыв криобомб сумел покрыть его конечности толстой коркой льда, возможно, проморозил до уровня мышц, но не более: подо льдом белесая плоть все еще легко шевелилась.

Гигант – а мутант к этому моменту действительно стал гигантом – начал просыпаться. Такие атаки уже должны были стать привычными, но не похоже, что он их запоминал... Да и чем ему, собственно, запоминать? Ничего похожего на мозговые клетки сканеры не обнару-

жили ни в одном из нагромождений плоти. Так что каждая атака становилась для уродца премьерой, и он пока что неуклюже дергался, пытаясь сообразить, что к чему.

Рино же не утратил контроль ни на миг. Даже если неудача его задела, виду он не подал, он перешел ко второй фазе. Роботы изменили порядок, сбросили бомбы под новым углом, покрывая льдом еще больше изогнутой плоти уродца.

– Сколько зарядов осталось? – напряженно уточнил Рино.

Тут Мира могла бы сказать, что, если бы он согласился вывести план на монитор, все данные были бы у него перед глазами. Но какой смысл сейчас характер проявлять? Она сама прочитала с компьютера:

– По семь у тех, которых ты уже использовал, по пятнадцать у тех, которые в резерве.

– Хватит... Должно хватить!

Мира была согласна с тем, что должно. Только вот мутант явно придерживался иного мнения, он дергался все сильнее, все злее. Пасть, еще больше увеличившаяся, разросшаяся под совсем уж плоским лбом, издала первый яростный вой. Существо начало метаться, биться всем телом, оно не только сшибало с себя лед, оно еще и откидывало в сторону криобомбы, и они покрывали острыми кристаллами стены и пол. Но это ничего, Мира лично проверяла все расчеты, такое не должно навредить реактору...

Зато существо навредить может, оно будто хочет этого! Единственный полноценный глаз яростно оглядывался по сторонам, однако замечать такие мелкие цели, как дроны, ему было сложновато, а может, координацию оно так и не наладило – или все сразу. Какой бы ни была причина, оно теперь билось, как в судорогах, и вредило не своим противникам, а всему залу. Лед еще и увеличивал хрупкость некоторых материалов, угрозы возрастали, тут чем угодно закончиться могло!

– Его нужно успокаивать, – не выдержала Мира.

– Да, я знаю, я... – Рино на миг запнулся, потом продолжил с прежней решимостью: – Я все сделаю.

Он оказался среди тех, кто выступал резко против скармливания трупов существу, и не скрывал этого. Рино осознавал, почему такое необходимо, да и как военный он не собирался нарушать приказ. Но Мира прекрасно понимала, как тяжело это ему дается. Пожалуй, только Гюрза был способен придерживаться философии «труп есть труп». Остальные переносили ситуацию хуже, а Рино, выходцу из религиозной семьи, и вовсе претило такое обращение с мертвыми.

До того, как они отправились на задание, Мира даже предлагала взять эту часть плана на себя, но пилот отказался. Поэтому теперь она заставляла себя сдерживаться, даже если очень хотелось помочь ему, хоть как-то поддержать. Он выдержит, должен, он намного сильнее, чем считают многие!

Он даже неплохо начал: его дроны пробили один из мешков, существо тут же вцепилось в подношение, перестав наконец дергаться, а Рино тем временем вскрывал остальные. Так что все могло получиться – а потом произошла катастрофа.

– Это же... Стивен, – прошептал Рино. – А это Карина, Филипп... Какого черта?!

Мире не нужно было спрашивать, что произошло, она и так все поняла, почувствовала, как сердце испуганно замирает, а страх льдом расползается по венам.

В мешках лежали мертвые пилоты. Те, кого Рино знал лично, те, кто с ним летал, может, был знаком с ним еще до «Виа Ферраты»... Люди, которые имели для него значение, которые никак не подходили под определение «просто труп»!

Ситуация была сложной с самого начала, теперь же она вышла на невыносимый уровень. Мира никак не могла избавиться от ощущения, что кто-то подстроил это специально, это диверсия, не иначе! Да, трупы людей, работавших в одном отделе, могли оказаться рядом – их так в морге и распределяли когда-то. И все же именно пилоты? Вероятность есть – но какая!

А если диверсия... Кому это могло понадобиться? Тем, кто тут бубнит про восстание и распространяет дурацкие листовки? Или тем, кто хотел упрекнуть Рино за то, в чем он был совсем не виноват – использование мертвецов? Того же Гюрзу упрекать бесполезно, да и адмирал подобный удар выдержала бы без труда. Поэтому и выбрали того, кто наиболее уязвим!

Или все-таки совпадение...

Хотя какая разница? Значение имело лишь то, что Рино сорвался.

– Рино, нет! – только и успела крикнуть Мира.

Но он ее уже не слушал, не слышал, ярость взяла свое. Он вспомнил, как много у них уже отнял один инопланетный уродец, и захотел отомстить второму. Он атаковал так, чтобы причинить серьезный вред, настоящую боль – он, может, думал, что этого будет достаточно...

Он направил роботов на глаз и воющую пасть существа. Глаз он уничтожил, пасть переломить не смог, но челюсть от атаки треснула, это наверняка.

Только вот успехом это не стало. Существо реагировало агрессией и на меньшую боль, теперь же оно и вовсе взбесилось, оно даже на трупы внимания не обращало, оно билось, атаковало все подряд, оно и без зрения находило роботов, уничтожало их, а еще...

Еще оно пыталось вырваться. Оно никогда не делало ничего подобного, ни разу! Его всегда удавалось усмирить, но не сегодня. Оно шарило изуродованными руками по стенам и полу, пока не нащупало люк, а потом ударило по нему, потянуло на себя, оно хотело убрать преграду. Вряд ли оно продумывало, что делает и зачем, оно просто реагировало на непривычное страдание так, как получалось.

Рино и сам сообразил, что допустил ошибку. Он все равно не впал в панику, он просто изменил атаку. Он теперь бил по существу постоянно, не жалел снарядов, использовал как оружие роботов. Он делал все, чтобы замедлить мутанта, раз остановить не получалось.

И все равно он не справился. Со звуком, который невозможно было уловить из комнаты операторов, но который безжалостно передали микрофоны, уродец вырвал внутренний люк буферной зоны.

Правда, на этом его продвижение закончилось. Компьютер отреагировал, ударил током, да и атаки Рино измотали существо. Оно наконец отступило, отползло обратно в атриум, отправилось зализывать раны...

Только вот теперь время было на его стороне. Оно снова присосется к реактору и восстановится. А они потеряли возможность его подкармливать, система защиты буферной зоны не пропустит их внутрь, они больше не проверят ни одно оружие, не выиграют ни одного дополнительного часа.

После всех усилий и жертв их отбросило на точку старта, и что с этим делать – Мира даже не представляла.

Кеннет никогда не испытывал священного трепета перед смертью. Он не чувствовал никакого удовольствия, убивая, и уж точно не рвался к финалу собственного пути. Однако ж он понимал, что профессиональному военному от смерти шарахаться – себя не уважать.

Возможно, это было как-то отражено в его личном деле, его ведь не раз посылали на болтовню с психологом! А может, так совпало. В любом случае, Кеннет оказался в группе, отправленной работать в морг.

Группа эта была многочисленна и состояла в основном из тех, кто, как заметил Кеннет, был на хорошем счету. Им сразу было велено молчать о том, что они здесь увидят и о каждом своем действии. На этом общение с руководством закончилось, никто не объяснял им, для чего нужны столь странные процедуры. А жаль, что не сказали, Кеннет послушал бы, для чего они упаковывают трупы в плотные герметичные мешки, загружают на платформы и куда-то отсылают!

Но он помнил, что любопытство разрушило не одну карьеру, и вопросов не задавал. Он готов был к тому, чтобы остаться в неведении, но информация все равно потихоньку просачивалась. Кто-то сопровождал платформы и многое видел сам. Кто-то возвращался с набором данных после отдыха, и Кеннет подозревал, что это те самые распространители карточек постарались, навешали соплей на уши – очень уж невыгодной для лидеров станции была история!

Тварь, которая захватила станцию, якобы не умерла. Она была серьезно ранена, ее удалось перетащить в зал пятого двигателя и запереть там. Теперь начальство будто бы откармливало ее мертвяками, чтобы в случае восстания направить против тех, кто попытается бороться за свободу.

Эта версия изначально показалась Кеннету полным бредом, а чуть поразмыслив, он лишь укрепился в своем мнении. Первое – держать тварь в зале двигателя нелепо и опасно. Второе – трупы рано или поздно закончатся, чем кормить тогда? Ну и главное – избавиться от борцов за свободу можно с куда меньшими усилиями, например, перестрелять, солдат для этого по-прежнему хватает!

Правда, альтернативной версии у Кеннета не было, так он в ней не особо и нуждался. Зачем рассуждать о такой дряни, если можно погрузиться в куда более приятное прошлое? Так что пока его сослуживцы болтали о чудовище, он наслаждался обществом Ии.

Она была с ним днем и ночью. Оставаясь на унылом дежурстве в морге, он снова и снова отправлялся с ней на свидания. Их первая встреча, подстроенная друзьями – маленький ресторан с коваными белыми столиками. Тот вечер в кино, который закончился куда приятней, чем надеялся Кеннет. Их первое путешествие – спуск на лодке по реке, три дня только они и природа.

Ну и конечно, Ия была с ним ночью. Та самая лодка, но уже в темноте, под открытым небом, когда услышать их могли разве что птицы, испуганно разлетающиеся от их криков. Сеанс в кино, после которого они на выходе хихикали, как подростки. Да много что еще... Он не собирался отказываться и тем более стыдиться. Он жил с Ией здесь, потому что не сомневался: она ждет его на Земле. Не может не ждать, она – смысл всего!

Так что у Кеннета все было замечательно, пока он не увидел Ию наяву.

– Эй, Кен, я их загрузил! – крикнул Фернандо, в тот день оказавшийся его напарником. – Сверху тоже провел, можешь их там застегнуть? Я пока еще одного поищу, нам не хватает!

Кеннет лишь кивнул, задание было несложное. Направляясь к платформе, он не ожидал, что застынет перед ней, как лазером пораженный. Ия была там! Она лежала в черном мешке на этой проклятой плите... Она была избита, изуродована так сильно: глаз заплыл, за порванной губой – кровавая рана, половины зубов не хватает, шея распухшая, синяя... Может, кто-то другой не узнал бы ее, но Кеннет любил слишком сильно, он распознал бы ее черты всегда, как бы они ни изменились.

Как это понимать, как такое вообще возможно? Ия не могла оказаться здесь, просто не могла – и уж тем более она не могла погибнуть! На миг мелькнула шальная мысль, что любимая последовала за ним, не сумела вынести эти десять лет разлуки... Она справилась бы, она всегда добивалась своего! Но если так, она подошла бы к нему, давно бы подошла...

Может, она и вовсе ему мерещится, это все не по-настоящему? Собрав всю силу воли, Кеннет протянул дрожащую руку к телу и коснулся замершего лица девушки. Тут же отпрянул, но это не помогло: он успел ощутить твердый холод вместо знакомого тепла под пальцами. Конечно, трупы хранили в криокамере, иначе и быть не могло...

Он зажмурился, пытаясь понять, что происходит, как вообще существовать в мире, где Ии нет и его никто не ждет? В себя он пришел, лишь когда совсем близко прозвучал голос Фернандо:

– Кен! Эй, Кен! Ты что, научился спать стоя?

Его напарник смеялся, он по-прежнему сохранял за собой право наслаждаться жизнью, и это непередаваемо бесило. Кеннет наконец распахнул глаза, чтобы послать этого шутника хренова подальше, однако не сумел произнести ни слова.

Он снова увидел перед собой мертвую женщину – но это была другая женщина. Ию она напоминала очень отдаленно: тоже брюнетка, молодая, худенькая... Однако на этом сходство заканчивалось, она оставалась совершенно другим человеком. А еще она не была избита... Совсем! На ее лице остались лишь те специфические круглые раны, которые были у всех жертв существа.

Он не знал, как такое вообще возможно. Ему привиделось? Или осколок, застрявший в его голове, наконец дал о себе знать? Кеннет пытался ухватиться за реальность и не мог, впервые после освобождения у него кружилась голова. В какой-то момент его повело так сильно, что пришлось сжать руками край платформы, иначе он рисковал упасть.

Заметив это, Фернандо перестал ухмыляться, подошел ближе.

– С тобой все в порядке? – нахмурился он.

– Джулиан... – еле слышно прошептал Кеннет. – Во всем виноват Джулиан...

Снова это имя! Он с таким трудом заставил себя выбросить его из памяти, но стоило ему проявить малейшую слабость, как оно налетело на него коршуном. Кеннет все это время пытался вспомнить, кто такой Джулиан, но не мог, никак.

Он думал, что справился с наваждением, а стало только хуже.

К счастью, Фернандо его не расслышал.

– Что ты сказал?

– Мне показалось, что это Эми, – слабо улыбнулся Кеннет. – Из зоны развлечений, знаешь такую?

– Не знаю. Зато знаю, что это никакая не Эми, в документах написано, что ее звали Анжели Тьеро, можешь выдохнуть!

Кеннет выдавил из себя нервную улыбку:

– Да уж... Могу... Так ты нашел еще одного?

– Легко, как будто их тут мало!

– Пока – нет, но ведь однажды не останется...

Фернандо его опасений не разделял:

– Ну и что? А ты хотел сохранить полный зал трупиков? Ясно же, что их увозят на утилизацию!

– Крематорий в другой стороне.

– Там разрушения слишком сильные, да и работать толком некому. Вот начальство и придумало какой другой способ... Подозреваю, что они мусорный утилизатор используют. Сейчас и так не спокойно, а если об этом станет известно, особо чувствительные барышни извизжатся! Вот и вся причина для секретности.

– Тебя это вообще не волнует? – любопытствовал Кеннет, хотя и сам истинной тревоги больше не чувствовал. Галлюцинация наконец отпустила его, отступила, возвращая бывшее спокойствие.

Его напарник тоже смотрел на трупы совершенно равнодушно.

– Вообще, – подтвердил он. – Пока на этой платформе лежат они, а не я, меня все устраивает!

Было плохо... Совсем. Хуже, чем он ожидал.

С тех пор, как Лейс Марсад стал Мертвым, болезни и травмы казались чем-то бесконечно далеким, оставшимся в прошлом, когда он еще был человеком. К хорошему быстро привыкаешь, и теперь, когда страдание вернулось, где-то в глубине души кипела почти детская обида. За что? Разве ж это честно? Он спас всю станцию – а получил в награду вот такое?

Однако вполне взрослый разум в ответах на эти вопросы не нуждался, он и так все знал. Да, нечестно, так ведь пора бы уже уяснить, что нет на самом деле никакой глобальной справедливости! Он согласился убить существо не ради награды, он просто не мог иначе.

Уже тогда было трудно, и в момент, когда силы покидали его тело, Лейс допустил, что вот это – всё. Его предел, после которого он не восстановится, и ему придется отправиться вслед за хищной тварью, которую он убил.

Но нет, справился, выжил... Радости это не принесло. В день, когда все случилось, ему было так паршиво, что он едва себя осознавал. Хотелось кричать от боли, но Лейс не помнил, кричал ли на самом деле – горло будто льдом сковало, у него не хватало сил даже молить о помощи. Он ведь хотел, он был готов! Но у него просто не получилось, а остальные в это время наверняка восхищались его гордостью и стойкостью.

Кому-то другому вкололи бы обезболивающее, а ему не могли, не рисковали. Они по-прежнему боялись его крови – и не зря! Многие тогда не осмелились даже подойти к нему, но кто-то все-таки сумел, проводил его до зоны карантина. И там Лейс остался один... Он понимал, что никто не смог бы ослабить его боль. Разве стало б ему легче, если бы кто-то просто побыл рядом, подал руку в нужный момент? С медицинской точки зрения – точно нет. Но Лейсу почему-то казалось, что стало бы.

Он завис между жизнью и смертью. В те первые дни – он даже не знал, сколько их было! – он мог провалиться в любую из сторон. Как ни странно, его устраивали оба варианта. Собственные мысли казались тяжелыми, и на них не хватало энергии. Он хотел выжить, правда. Но если бы это непонятное, болезненное состояние просто оборвалось... Вначале ему казалось, что это тоже неплохой вариант. Он знал, что многие его осудили бы – да и он бы себя осудил! Но когда ты здоров и силен, да если еще и молод при этом, очень легко изрекать правильные истины о ценности жизни и важности надежды.

Когда каждая секунда наполнена страданием, когда удары собственного сердца отдают огнем внутри, а вдыхаешь будто не воздух, а битые осколки, перспектива несколько меняется. Впрочем, Лейс не собирался ничего делать для избавления самого себя от мук. Он доверился судьбе, он просто ждал, позволяя волнам времени проплывать мимо.

Сектор Фобос, видимо, решил, что не наигрался с ним, и сложно сказать, было это благословением или проклятьем. В любом случае, муторное беспамятство отступило, позволяя Лейсу не вынырнуть даже, а кое-как выкарабкаться обратно в реальность.

Триумфом это не стало. У него болело все, что может болеть – и даже то, что анатомически болеть вроде как не может. Мышцы, привычно сильные, теперь были скованы слабостью, и каждое движение требовало серьезного напряжения. В карантинной зоне не было зеркал, и Лейс никогда не просил их принести, ему не хотелось видеть, во что он превратился. Однако увидеть пришлось: отражающих поверхностей здесь хватало. Они не показывали истину во всех ее жутких подробностях, но намек на его состояние давали вполне понятный.

Он сильно похудел, осунулся. Круги под глазами приобрели не фиолетовый даже, а какой-то чернушный оттенок, и от этого лицо Лейса напоминало оголенный череп – особенно при том, что губы стали настолько бледными, что толком и не просматривались. Он то и дело чувствовал во рту вкус крови, но это было не так страшно, она, смертоносная, все равно оставалась внутри.

Куда больше его беспокоили язвы, появившиеся на коже. Их было немного... пока немного, но все глубокие, омерзительные, заполняющие его тесную спальню запахом разлагающейся плоти. Его плоти! Мало кто может представить, что это такое... Никому и не нужно такое представлять.

И вот ведь какое дело... Первая волна ужаса накатила на Лейса не из-за того, что он разлагается заживо, а из-за того, что может погубить корабль. Его кровь ведь по-прежнему

ядовита, и, если он тут сейчас начнет заражение... уж лучше сразу за борт шагнуть! Пожалуй, брат гордился бы им за это.

Но никуда шагать ему не пришлось, язвы поражали кожу и мышцы, сводили его с ума острыми вспышками боли, однако кровь из них не шла. Чтобы перестраховаться, Лейс взял у медиков изоляционный гель и, игнорируя болезненную усталость, следил, чтобы каждая рана оставалась под повязкой. Его усилия пока вознаграждались: кристаллов в его спальне не было. Хотя, может, он уже и не способен создавать их? Что, если вся необъяснимая энергия, питавшая его силу, ушла на убийство существа? А он теперь не более чем ходячий мертвец, потому что сам он получил смертельную дозу радиации давным-давно.

Он пытался обсудить это с врачами, но они отмалчивались, уходили от ответа. Не потому, что пытались обмануть его, они, похоже, и сами ничего не знали. На станции были медики, активно интересовавшиеся его состоянием, однако их Лейс не видел с самого захвата. Он прекрасно понимал, что выжили не все, но вопросов не задавал – он по-настоящему не хотел знать.

Он почти смирился со своим неведением, когда по ту сторону стекла все-таки появился тот, кто мог дать ему подсказки. Гюрза наблюдал за ним как обычно: без сочувствия, таким взглядом, пожалуй, ученые смотрят на развитие микроорганизмов в пробирке. Лейс на подобное никогда не обижался, он и не ждал сострадания от серийного убийцы. Он осознавал, что стал для Гюрзы экспериментом, однако сейчас и это неплохо.

Смотреть на него с койки, как младенец какой-то, Лейс не собирался. Игнорируя боль и слабость, он заставил себя подняться, подошел к стеклянной стене, ограждавшей его от станции... Точнее, ограждавшей станцию от него, так будет правильной.

– И что ты думаешь? – тихо спросил Лейс. Не от страха, просто чем громче он говорил, тем сильнее болело горло.

Вопрос был не данью вежливости, он и правда не представлял, о чем думает Гюрза. Но никто не представлял, у Гюрзы большую часть времени лицо не более выразительное, чем фарфоровая маска, а взгляд... Астероиды Сектора Фобос и то бодрее!

– Тебя интересует, будешь ты жить или нет, – отозвался Гюрза. – Этого я еще не знаю. Но предполагаю, что будешь. Пока.

Лейс поднес к стеклу руку, на которой под прозрачной повязкой чернела язва, уничтожившая плоть до кости.

– Вопрос скорее в том, живу ли – или уже мертв, но не решаюсь это осознать, – невесело усмехнулся он.

– Тебе нужна информация или хочется романтизировать? Во втором случае я не буду мешать.

– О, нет, помешай, прошу, – сухо попросил Лейс.

– Если бы та энергия полностью покинула тебя, ты умирал бы от последствий полного разрушения организма радиацией. По сути, после того, как ты получил неопознанную энергию, твое существование было поставлено на паузу. Ты не выздоровел по-настоящему, ты взял жизнь взаймы у Сектора Фобос.

– И кто из нас теперь романтизирует?

Гюрза его иронией проигнорировал, он продолжил:

– Твои нынешние симптомы намекают скорее на то, что организм пытается перестроиться, используя остаток энергии. Твои болячки – мелочь на фоне того, что сохранены внутренние органы.

– Остаток... Но теперь мне с остатком жить, получается? Больше ее не станет?

– Это мне неизвестно. Любые выводы я делаю из наблюдений за тобой, я пока даже не знаю, какую природу имеет эта энергия – и энергия ли это вообще. Возможно, это тоже какая-то форма жизни.

– Как будто до этого в Секторе Фобос было мало паразитов, – страдальчески поморщился Лейс. – Что мне тогда остается?

– Наблюдать. Сначала, полагаю, язв станет больше. Это означает, что энергия устраняет любые внутренние повреждения, которые у тебя были. Как только их образование закончится, можно считать, что перестройка завершена. А дальше внимательно следи за количеством язв и их состоянием. Если они останутся на прежнем уровне – энергия конечна, и твоя смерть ближе, чем ты думаешь. Но если они начнут заживать, можно осторожно допустить, что энергия множит сама себя и восстанавливает запас.

Лейс сделал вид, что это ему не так уж важно, потому что перед Гюрзой не хотелось позориться. А ведь на самом деле важно было, еще как! Раньше ему нравилось думать, что он готов к смерти, он достиг нужного уровня смирения. Но как пришло время умирать, оказалось, что не готов – и вряд ли когда-либо подготовится по-настоящему. Лейс точно знал, что может отдать жизнь ради других, если это произойдет быстро, у него не останется времени на сомнения и сожаления. Но вот такое медленное загнивание... Оно оказалось намного страшнее.

Утешать его Гюрза не собирался, он просто ушел, оставив Лейса наедине с сумрачной реальностью – и все равно стало легче. Не важно, что теория серийного убийцы могла и не подтвердиться. Это было куда лучше, чем неведение и ожидание непонятно чего!

Лейс выработал собственный график. Порой он разрешал себе поддаваться боли, иначе не выдержал бы. Он сворачивался на койке, сжимался, не делал ничего, пока волны спазмов проходили сквозь тело. Он просто ждал. Но каждые четыре часа он позволял себе изучать раны на теле – именно позволял, иначе тревога вынудила бы его делать это намного чаще.

Новые не появлялись, это он заметил быстро. Теперь оставалось понять, что произойдет со старыми. Раньше Лейс избегал лишний раз на них смотреть – кому понравилось бы наблюдать за собственным разложением? Теперь же он всматривался до боли в глазах, он позабыл об отвращении, ему казалось, что началось заживание... Или нет? Пока сложно было точно определить, действительно ли язвы уменьшились – или он обманывает себя с невольным оптимизмом любого создания, цепляющегося за жизнь. Но если так пойдет и дальше, он узнает правду скоро, очень скоро...

По крайней мере, он должен был узнать. А потом оказалось, что он и этого не успеет.

Когда за стеклянной стеной мелькнул белый халат, Лейс не обратил особого внимания. Врачи то и дело заглядывали в зону карантина, с Мертвым не общались, просто наблюдали за показателями сканеров, а потом поспешно уходили. Но на этот раз неожиданный гость к выходу не спешил, да и компьютерами не интересовался. Он подошел вплотную к стене и постучал по стеклу.

Лейс его знал... Точнее, видел раньше. Но он пробыл на «Виа Феррате» достаточно долго, чтобы многих увидеть. Этот тип еще и примечательный: хоть и молодой, а какой-то... студенистый, чуть расплывшийся, обильно потеющий. Он и сейчас нервничает: глаза блестят, на чуть обвисших щеках появились неровные пятна румянца, дыхание сбито. Либо он делает то, что не должен, либо на станции появилась новая угроза... Вроде как не должна была – но чего еще ожидать в Секторе Фобос? Лейс лишь сейчас осознал, что, сосредоточившись на собственном состоянии, не узнавал толком, что происходит на «Виа Феррате» после освобождения.

– Вы должны пойти со мной! – объявил потный человек.

Лейс даже с койки не встал, он лишь порадовался, что этот тип прикатился сюда не в период, когда он корчился от боли. До его прихода Мертвый просто читал и не собирался отвлекаться от этого занятия надолго. Однако игнорировать гостя он тоже не стал, он полюбypoпытствовал:

– А ты кто?

– Альберт Личек, глава технического отдела. Меня прислали сюда, потому что нам срочно нужна помощь! Существо вернулось!

Он не уточнил, что за существо, но как будто так много вариантов! Лейса словно кипящей водой облили, он резко поднялся, и это, конечно же, не прошло ему даром: боль полыхнула с такой силой, что на пару секунд потемнело в глазах. Однако на сей раз он не позволил себе ни минуты отдыха, он поднялся и двинулся к стене.

– Этого не может быть! – зачем-то объявил Лейс.

Зачем – он сам не знал. Если задуматься, у него не было ни единого доказательства, что действительно не может. Лично он не видел гибель существа, он убил только Киану. Что, если какая-то часть уродца затаилась в другой зоне станции? Все эти дни она разрасталась, и вот люди снова в опасности, новый захват становится лишь вопросом времени...

Лейс очень надеялся, что ошибся, что все на самом деле не так, а его версия продиктована болью и усталостью. Но нет, Личек сбивчиво подтвердил, что все именно так. Просто на сей раз тварь обосновалась в двигателе, вдали от жилых кварталов, поэтому жертв пока нет... Но нет и прогресса. Существо уже увеличилось, прорвалось в буферную зону, а это значит, что нападение может начаться в любой момент.

А еще – что Лейсу придется умереть. Все-таки придется.

Даже при самом наивном оптимизме он и мысли не допускал, что переживет вторую атаку. Да он не знал, справится или нет! Пока казалось, что нет... Он и после прошлого использования силы до сих пор не восстановился, а теперь... Даже если тварь в десять, двадцать раз меньше, его энергии может не хватить на убийство, это Лейс признавал с мрачной обреченностью.

Но он все равно не имел права прикрываться этим аргументом, он должен был попробовать. Он задолжал этим людям, когда прибыл на их станцию... Да и потом, они ведь действительно люди, а он – нечто непонятное. Он погиб много лет назад, и его смерть не была справедливой, однако он не вправе предъявить за это счет «Виа Феррате».

Ну а главное, если существо не остановить, умрут все без исключения, в том числе и он. А если так, нужно попытаться отделаться одной жизнью, не уничтожая многие.

Лейс молча кивнул Личеку и направился к выходу. Зона карантина давно уже не запиралась, он находился здесь добровольно. Адмирал позволила ему свободно передвигаться по станции, он просто пока был не в состоянии это делать, хотел дождаться, когда полностью исцелятся раны. Лейс лишь сейчас осознал, что успел увидеть ничтожную часть «Виа Ферраты»... теперь этим все и ограничится.

Личек дождался его у выхода, но вплотную приближаться не рискнул, он шел так, чтобы между ними оставалось примерно два шага. Бойтся, значит... Не без причины.

Интересно, он только поэтому нервничает? Истерика Личека доходила до какого-то совсем уж неожиданного уровня, он не выглядел как человек, который просто выполняет приказ... Выглядел он, если уж совсем честно, как мошенник. Но Лейс, как ни старался, не мог предположить, в чем тут подвох. Раз Личек добрался до зоны карантина, у него допуск высокого уровня. Да и какой у него может быть личный интерес в этой ситуации? Немного странно то, что за Лейсом прислали именно его. Так ведь неизвестно, какая сейчас обстановка на станции!

– Это существо... оно большое? – спросил Лейс.

– Очень, – отозвался Личек, не оборачиваясь. – Но, я уверен, вы справитесь!

Это как раз было вранье, судя по тону, Личек прекрасно понимал, что ожидает Лейса. Но вранье было не преступное, просто дань вежливости. Не каждый решится сказать обреченному, что смерть уже близко, да и зачем?

Личек ему не нравился, Лейс этого отрицать не мог. Не только как тот, кто произнес вслух его приговор. Нет, было в начальнике технического отдела что-то странное, неправильное, все-таки было... Однако Лейс оказался не в состоянии это обдумать, с каждым шагом ему становилось все хуже.

Он чувствовал себя неплохо, пока отлеживался большую часть дня, получал лекарства и избегал серьезных нагрузок. Но теперь, когда ему пришлось быстро шагать по длинному коридору, чтобы успеть за Личеком, он обнаружил, насколько слабым стал за это время. Подумать только – его простейшее движение измотало за считанные минуты!

И боль, конечно, боль никуда не исчезла, с каждым шагом она лишь нарастала. Это злило Лейса, унижало его, и он пытался просто проигнорировать свое состояние – но не мог. Он двигался по ровному металлическому полу, а ощущение было такое, будто он увязал по колено в жидкой грязи. Теперь бороться приходилось за каждый шаг, он задыхался от усталости, перед глазами плясали черные пятна, то и дело сменявшиеся непроницаемой тьмой, которая держалась несколько мучительных секунд и лишь затем неспешно развеивалась.

В какой-то момент голова закружилась слишком сильно, по телу пошла волна спазмов, и Лейсу показалось, что он не справится, никак. Ему обеими руками пришлось опереться о стену, чтобы не рухнуть посреди коридора. Личек, торопливо семенивший впереди, не обратил на него внимания, и Лейс вынужден был его окликнуть:

– Подожди! Дай... Дай я отдохну...

Начальник технического отдела наконец обернулся, увидел, как далеко остался его спутник, и недовольно скривился.

– Это обязательно? Идем, в соседнем коридоре можно взять мобильную платформу, там и отдохнешь! Сюда я ее не подгоню, она слишком широкая.

– Мне нужна всего минута...

– У нас нет минуты! – возмутился Личек и почему-то покосился на камеру наблюдения, закрепленную под полотком.

Это было неправильно... С чего ему волноваться, если он выполняет приказ адмирала? А если дело в монстре, то минута ничего не решит, существо явно развивалось много дней! Если бы ситуация действительно стала критической, сюда прислали бы не одного человека, а целую бригаду, которая, если надо, Лейса бы на руках донесла!

Мертвого не покидало ощущение, что он движется в ловушку. Однако обдумать он это толком не мог, мешала ослепительная головная боль, череп будто пронизало раскаленными иглами. Он пытался пробиться через страдание, вернуть себе ясность мыслей, но безуспешно. Все слишком странно, риск слишком велик... И нужно, как и раньше, принимать этот риск одному, его потрепанная жизнь стоит не так уж много...

Он готов был двинуться дальше, когда в коридоре неожиданно прозвучал знакомый голос, не громкий, но и не тихий, абсолютно спокойный – так и надлежало говорить человеку, у которого все под контролем.

– Никто никуда не пойдет. Лейсу необходимо вернуться в свою комнату, он еще нездоров. Вас же, господин Личек, ждут должностные обязанности.

Женский голос, один из тех, которые значат для него много, которые он слышал часто... Каллисто! Сначала он вспомнил голос, потом с непривычным усилием поднял голову и убедился, что в коридоре действительно стоит гетера. Да и как не вспомнить единственного человека, который вместе с Лейсом перебрался на эту станцию со «Слепого Прометея»?

Каллисто приходила к нему и раньше, но еще до катастрофы. После захвата и освобождения она не появлялась, должно быть, была ранена слишком сильно, чтобы бродить по станции. А может, хотела полностью восстановиться, прежде чем показываться людям, гетеры не любят предстать перед наблюдателями слабыми – и недостаточно красивыми.

Теперь же она вернула себе прежний облик. Лейс понятия не имел, как она этого добилась: действительно восстановилась или скрыла последние следы травмы косметикой. Да и какая разница? Прямо сейчас Каллисто вновь напоминала космическую царицу: величественная, облаченная в расшитое золотом длинное платье, с каким-то сложным украшением из цепочек на голове.

На Личека она смотрела как равная, хотя он был одним из местных начальников, а она – всего лишь бесправной гостьей, совсем как Лейс. Это вроде как не изменилось, но Личек почему-то все равно сжался под ее взглядом. Впрочем, ненадолго, скоро он расправил плечи и покосился на гетеру с высокомерием, хотя и не смог скрыть усилие, с которым ему это далось.

– Вас это не касается! – заявил он. – Я выполняю приказ адмирала!

Он заметно повысил голос, словно желая подчеркнуть всю важность своей миссии. Каллисто осталась безмятежна.

– Нет, не выполняете.

– Что? Это еще как понимать? Вы-то что знаете о делах на корабле?

– У меня, скажем так, есть надежный источник информации, – загадочно улыбнулась гетера. – Он и сообщил мне, что руководство отказалось от использования Лейса еще на первом совещании. Позже вы подавали несколько прошений, но на все получили отказ.

– Почему? – с трудом произнес Лейс. К боли добавилось головокружение, и ему по-прежнему приходилось держаться за стену, потому что мир будто взбесился, он двигался сам по себе вокруг Мертвого. – Я... Я готов помочь!

– Не сомневаюсь, милый, – в голосе гетеры впервые мелькнуло тепло. – И никто не сомневается. Но это не в твоей власти, не в этот раз.

– Мы не знаем наверняка! – вмешался Личек. – Нужно пробовать!

– Нет. Шансы на успех слишком ничтожны, а гибель Лейса несомненна в любом случае.

– Ну и что?

Какой интересный вопрос! На него Лейсу очень хотелось бы ответить лично, но он пока не мог, все силы уходило на то, чтобы не потерять сознание от боли. Получается, Личек из тех, кто охотно рискует чужими жизнями, сочиняя при этом красивые речи... Интересно, смог бы он с такой же легкостью пожертвовать собой, если бы судьба станции зависела только от него?

Каллисто снова была холодна:

– Я не буду обсуждать это с вами, Альберт. Вам уже сказали все, что нужно. Просто отступите, и на этом неприятный инцидент будет исчерпан.

– А вот не собираюсь! Не хватало еще, чтобы безбилетная пассажирка мне условия диктовала!

– Включите голову, Альберт, прошу. Каковы шансы, что я оказалась здесь случайно, потому что мне больше делать нечего?

– Почему я должен размышлять, каким ветром тебя сюда занесло?!

– Меня попросил присмотреть за Лейсом тот, с кем вам очень не хочется встречаться.

Имя она не назвала – но как будто так сложно догадаться! Лейс даже сквозь дымку, застилавшую глаза, видел, как вздрогнул Личек. Вздрогнул – и не отступил, то ли от страха, то ли слишком велик был соблазн стать героем станции за чужой счет.

– Я все равно должен попробовать! – настаивал он. – Он пойдет со мной добровольно или я его уведу силой, выбор только такой!

– Силой? – удивленно повторила Каллисто. – Как же вы его потащите куда-то силой, если вы даже дотронуться до него боитесь?

– Я начальник технического отдела, а тут полно роботов! Я его все равно уведу!

А вот это паршиво... Уведет ведь, сможет! Лейс даже сопротивляться не будет – не только из-за боли и слабости, ему нельзя проливать свою кровь на станции, никак нельзя. И Каллисто этому не мешает, что может гетера противопоставить машинам, пусть даже не боевым, а сервисным? Почему Гюрза послал именно ее? Это же нелепый выбор!

Но сама Каллисто так определенно не считала, она не стала возмущаться наглости Личека, она лишь тяжело вздохнула.

– Да, наш общий друг допускал, что вы можете поступить так. На этот случай он велел обеспечить вам более продуктивное занятие на ближайшие часы. Я надеялась, что до этого не дойдет... мне очень жаль, Альберт, я вам клянусь.

Она произнесла это искренне, она действительно сожалела. Лейс не понимал, почему... Но долго гадать ему не пришлось. Быстрым и на удивление ловким движением Каллисто пода-лась вперед и отсекала Личеку правую руку по линии запястья.

Такого не ожидал никто... кроме, естественно, самой гетеры. Казалось, что она не вооружена, что она держит в руках золотой веер, всего лишь дополнение к образу! Это и был веер – только состоящий из остро заточенных лезвий. Похоже, она была обучена владеть таким оружием... Лейс знал о гетерах слишком мало, чтобы сказать наверняка. Он, как и многие другие, привык, что они полагаются на переговоры, он считал, что Каллисто будет просто забалтывать Личека!

А она предпочла действовать вот так. Ударила, отошла и снова улыбнулась. Все произошло настолько быстро, что Личек, похоже, и боль не сразу почувствовал, не поверил, что все по-настоящему. Он молча уставился на культю, вмиг заменившую ему правую руку. А секундой позже из раны хлынула кровь, и Личек заорал так, что и в космосе, кажется, услышали.

– Тварь! – взвыл он. При этом смелости броситься на Каллисто ему так и не хватило. – Тебя казнят за это! Тебя порвут кочевники! Я лично тебя выброшу за борт!

– Очень может быть, – невозмутимо согласилась Каллисто. – Но будет это не сейчас. Сейчас я рекомендую вам... хм... взять руку в руку и бежать в лазарет. Линия среза очень ровная и чистая, я позаботилась об этом. Пришить руку на место будет несложно, особенно если вы уговорите Петера Луйе лично сделать это. Но такое возможно только в ближайшие полчаса, так что поспешите!

Вот, значит, в чем заключался план... Ее или Гюрзы, Лейс не знал наверняка, да и не так это было важно. Даже если Личек готов был переть напролом, уповая на то, что победителей не судят, в ближайшие часа два ему будет не до героических свершений.

Начальник технического отдела с горестными рыданиями подхватил отсеченную руку и бросился прочь. Каллисто же поспешила вперед и уверенно подставила Лейсу плечо.

– Держись, – тихо и мягко сказала она. – Я отведу тебя обратно.

– Не надо... Опасно, я сам...

– Опасность невелика, крови нет, все хорошо.

Он не хотел рисковать ею, но отказать не мог: он почти ничего не видел, не ориентировался в пространстве. Ему пришлось принять помощь Каллисто, надеясь, что он не причинит ей вреда.

– Это... Гюрза тебе такое велел? – спросил он.

– Дословно распоряжение звучало так: «Отрежь ему что-нибудь нужное, и он угомонится».

– Тебя... накажут...

– Маловероятно. Личек нарушил прямой приказ и попытался тебя убить. Его за такое не похвалят, поэтому прямо сейчас он наверняка доказывает Петеру Луйе, что лишился руки в результате несчастного случая. Лично он тоже мстить не будет, не осмелится. Он понимает, что мстить умеет не только он, и в этом плане у нашего общего знакомого фантазия побогаче будет.

– Но монстр... Он реален?

– Увы.

– Тогда я хочу... помочь...

Но даже произнося это, Лейс понимал, какими жалкими смотрятся его усилия. Каллисто, к ее чести, смеяться не стала:

– Милый, я понимаю, что ты привык справляться со всем один, но помни: на «Виа Феррате» у тебя есть друзья. Поэтому сейчас просто сосредоточься на том, чтобы остаться в живых. Ну а монстр... С ним мы справимся. У нас ведь и выбора другого нет!

Они оба чувствовали себя виноватыми за то, что случилось – и она, и Рино. Но положение Миры оказалось чуть лучше: она могла хоть как-то повлиять на ситуацию. Это пилот пока был не в состоянии ничего исправить, ему только и оставалось, что бессильно наблюдать из командного пункта за развитием событий. Ему даже не объявили выговор, но это, кажется, угнетало Рино еще больше. Мира не удивлялась этому: порой собственная совесть куда страшнее любого наказания извне.

А вот у Миры возможность действовать появилась почти сразу. Это не только отвлекало ее от самобичевания, но и давало возможность повлиять на судьбу станции.

План Гюрзы постоянно критиковали и называли бесчеловечным, только пока он работал. Но как только все сорвалось и жертвы перестали поступать, существо взбесилось, оно, добравшееся до буферной зоны, могло вырваться в любой момент. И вот теперь те, кто громче всех вопил об уважении к смерти, требовали найти новый способ скормить мутанту трупы как можно скорее.

Такой способ предстояло создать Мире. Вместе с другими инженерами она еще раз изучила схему пятого двигателя. Предварительные выводы подтвердились: о проходе через буферную зону можно забыть, нет ни единого шанса миновать ее и не выпустить монстра. Боковые части и нижняя укреплены так, чтобы защитить реактор, сзади находится двигатель, и с тех пор, как существо лишилось мертвых тел, он постоянно работает. Единственным вариантом была верхняя часть двигателя, прямо над ремонтным залом.

Но и здесь все оказалось непросто. Подобраться к этой части можно было только снаружи, да и использовать ремонтники могли не все пространство. Компьютер очень четко обозначил им красную линию – границу, за которой можно было попасть в зону действия двигателя. К ней лучше не приближаться вплотную, значит, придется отступить еще минимум на десяток метров. С учетом всех факторов, в распоряжении ремонтной бригады оставался ничтожный участок, и даже на нем работа на безопасную не тянула.

Поэтому бригаду туда никто отправлять не собирался. Мире предстояло стать единственным механиком, создающим новый путь для мертвых тел. Она выбрала пару сервисных дронов, их должно было хватить. Сложность ведь не в работе как таковой, а в том, что рядом двигатель, что существо, почуяв ее, может вырваться в любой момент, что космос и одиночество давят так непередаваемо сильно... Мира признавала все это, а жаловаться не собиралась, она точно знала, что выдержит.

Однако оказалось, что выдерживать ей предстоит чуть меньше, чем она ожидала: в сопровождающие ей назначили двух кочевников. Мира попыталась возмутиться:

– Зачем? Это же напрасный риск!

– Это работа, – осадила ее Елена. – Для них в той же степени, что и для вас. Мы не можем потерять ведущего инженера только потому, что вам погеройствоваться захотелось.

– Я могу это сделать!

– Тогда им не придется утруждаться. Но могут вмешаться внешние факторы, с которыми один человек просто не справится. Лейтенант Волкатия, я не требую от Барреттов ничего такого, что не входит в их должностные обязанности. В чем проблема?

– Нет проблемы, адмирал.

Тут Мира несколько покривила душой. Но не могла же она рассказать о своих опасениях! Елена ни за что не поверила бы, если бы услышала, что Барретты сейчас могут все усложнить. Но Мира не забывала о том, что она для них враг, она ведь убила их сестру, она остается ликвидатором... Без доказательств это голословные обвинения, которые еще больше обострят

отношения между ней и полицией. А из доказательств у нее лишь то, что Сатурио следил за ней на станции, это никто не станет рассматривать всерьез.

Ей пришлось согласиться. Мира до последнего надеялась, что повезет, что ей в сопровождающие хотя бы назначат кого-то менее предвзятого... Не срослось. Конечно же, Сатурио сам вызвался на миссию. Это никого не удивило: он считается лучшим, он порой нравится даже тем, кто боится кочевников! Так что если он случайно позволит Мира улететь в открытый космос, все поверят, что это случайность, его даже упрекать не станут.

Вторым оказался Тодорус, но по поводу него опасений как раз не было. Он относился к приказам серьезно, знал, что такое дисциплина. Впрочем, если Сатурио задумает что-нибудь недоброе, брат его точно не остановит, и шанса нет.

Когда они готовились к миссии, Мира украдкой наблюдала за кочевниками, пыталась понять, чего ей ожидать... Конечно же, это ни к чему не привело. Они и так эмоциональностью не отличались, а уж когда они шлемы надели, она их с трудом друг от друга отличала, какое там чтение эмоций!

Так что на задание она отправлялась в дурном настроении и с тяжелым сердцем... Ну а потом просто позабыла обо всем. Мира уже доводилось выходить в космос, она знала, что это такое, но привыкнуть все равно не могла. А тут по ней еще и ударил контраст: запертая внутри станции с чудовищем, она привыкла воспринимать Сектор Фобос как врага, силу разрушения, направленную против любой жизни.

А ведь он по-прежнему был прекрасен! Он полыхал разноцветными огнями, пульсировал туманностями, он двигался астероидами... Он жил, и он был настолько грандиозен, что «Виа Феррата» терялась в его владениях. Разве станет титан охотиться за блохой? А если так, то их неприятности – это не коварный умысел, это просто часть реальности. Если бы Сектор Фобос действительно хотел их убить, если бы вложил в это желание всю свою бесконечную силу, разве от них что-нибудь осталось бы?

– Волкатия, что у тебя случилось? – ворвался в шлем голос Сатурио.

– Н-ничего, – спохватилась Мира.

– Тогда к чему пауза?

– Я просто выбирала более подходящий маршрут!

Так себе оправдание, если учитывать, что маршрут был спланирован еще до того, как они покинули станцию, но – сойдет. Чтобы побыстрее миновать неловкий момент, Мира двинулась вперед. При этом она не поддавалась спешке и следила за показаниями компьютера. Роботы оставались рядом с ней, страховочные тросы она перемещала вовремя. Не так уж сложно... Если не думать, что близко полыхает двигатель станции, за спиной бесконечность, а прямо под ногами беснуется монстр.

Мира в сопровождении роботов шла первой, кочевники следовали за ней, пока этого было достаточно. Продвигались они медленно – и все равно сияние впереди становилось все ярче. Экран шлема автоматически затемнился, защищая глаза, ну а прямо на двигатель Мира не смотрела, опасаясь, что нормально работать после такого не сможет.

Сам двигатель был слишком велик, чтобы найти нужную точку, да и ориентиров толковых не было. Зато компьютер не подвел, он вывесил оповещение ровно в момент, когда Мира достигла цели.

Опасность здесь лишь возрастала, а она все равно почувствовала себя лучше. Мира оказалась в привычной реальности: простые движения, одно за другим, знакомое оборудование. Нет времени отвлекаться, но, если сосредоточиться на задании, все идет как надо. Сначала – снять верхнюю пластину, тут ничего резать не придется, если получить доступ к креплениям, это предусмотрено в проекте для ремонта. Дальше – передать пластину одному из роботов, он отнесет ее внутрь станции и вернется. Мира два сразу не нужно, ей и одного хватит, чтобы постепенно, по чуть-чуть, создавать в серебристой поверхности станции путь внутрь.

Она свинчивала детали, где было можно, а где-то приходилось подрезать, прижигать, разламывать... Это не пугало: Мира видела, что станции и даже двигателю это по-настоящему не повредит, и другие инженеры все подтвердили. В ее мире не было звуков, когда никто из спутников к ней не обращался. Она не слышала вой разгневанного мутанта, не чувствовала его удары – они просто терялись на фоне привычной вибрации двигателя. Поэтому здесь и сейчас можно было поверить, что все в порядке, выход в космос – просто рутинный ремонт, первый раз, что ли!

Она убедила себя в этом, чтобы подавить панику. Иначе нельзя: далеко бы она продвинулась, если бы у нее руки тряслись или она заикалась, отдавая команды роботам? Но, похоже, она слишком расслабилась... Мира знала, что от зала ее отделяет еще несколько слоев металла. Она была уверена, что беспокоиться рано.

Но существо, пусть и лишенное разума, оказалось лучшим хищником, чем она подозревала. В какой-то миг Мира почувствовала резкий удар – будто под ней бомба взорвалась! Только никакой бомбы не было, просто мутант уловил ее возню и атаковал.

Он ударил с такой силой, что прошиб металл, откинув Миру в сторону вместе с искореженными плитами.

– Мира! – крикнул Сатурио.

А что – Мира? Что она сейчас могла ответить, что сказать, что сделать? На короткий и вместе с тем бесконечный миг она оказалась... нигде. В пустоте, где нет сторон света, верха и низа. Там, где не за что зацепиться, не от чего оттолкнуться, только и остается, что принять судьбу...

Потом иллюзия отступила, вернулась жажда жизни, питаемая злостью. Поддаваться Мира точно не собиралась! Даже при том, что она была не готова к подобной атаке, она не допустила ни одной ошибки. Оба ее страховочных троса были закреплены, ее не могло унести далеко от станции, даже если она потеряла магнитный контакт. Мира извернулась, сначала увидела тросы, потом и нащупала один из них. Значит, такая у нее будет точка опоры, лучше, чем ничего!

Ее готовили к подобному – и как инженера, и как ликвидатора, ее ведь создали для работы в куда худших условиях! Так что если бы Миру действительно вот так отшвырнуло взрывом, она бы справилась.

Только это был не взрыв. Она и так не забывала об этом, а существо, будто желая напомнить ей, высунуло в сформированный тоннель руку на переплетении мышц, теперь странно похожую на щупальце – не формой даже, а гибкими, непредсказуемыми движениями.

То, что оно оказалось в космосе, существо не беспокоило – или, по крайней мере, не ослабляло. Здесь, на территории Сектора Фобос, оно двигалось так же быстро и уверенно, как в ремонтном зале. Да и с чего ему страдать? Оно, пусть задетое человеческой природой, дома – в отличие от землян!

Существо не могло увидеть Миру, и все равно оно ее без труда отыскало. Оно перехватило кабель и потянуло на себя, и скорость, с которой оно приближало к себе добычу, тоже многое говорила о его способностях.

Отчасти оно помогало Мире – без него она бы возвращалась на поверхность двигателя намного дольше. Только вот помощь была сомнительная, ведь останавливаться существо явно не собиралось! Оно готовилось продолжить, затянуть Миру в тоннель, подтащить к пасти... И уже путешествие могло ее убить: существо ведь не будет беспокоиться о том, не вредит ли ей, и, если она вдруг окажется поперек тоннеля, оно без малейших сомнений сломает ей позвоночник и продолжит движение.

Кочевники не бросили ее, она видела, что они стреляют в существо. Только толку от этого пока не было, оно этих выстрелов даже не замечало! Мира и сама на месте Барреттов

вряд ли так быстро придумала бы новую тактику, она не могла дать им подсказку. Но она была на своем месте, и соображать ей приходилось быстро.

Она позволила существу подтянуть ее поближе, но уже на подлете к станции отстегнула от пояса трос, в который оно вцепилось. Остался второй, на него и переключила внимание Мира: ухватилась обеими руками, чтобы побыстрее добраться до зоны, где сработают магнитные ботинки.

Увы, когда речь заходила об охоте, реагировало существо пугающе быстро. Оно явно почувствовало изменения, и оно не позволило добыче уйти. Оно начало поспешно шарить искаженной рукой вокруг люка, стараясь найти Миру. Она не поддавалась нарастающему страху, действовала по-прежнему быстро и решительно, последним рывком добралась до станции. Она почувствовала, как закрепилась, да и скафандр вывесил подтверждение. Теперь нужно только отступить, уйти туда, где существо до нее не дотянется, миссия выполнена, нет ни единой причины оставаться здесь!

Мира ожидала, что, если существо найдет ее, оно поведет себя как раньше: попытается тянуть за трос. Она была готова к такому раскладу, она отцепила страховку в миг, когда рука ее коснулась. Решение было отчаянное, но не безумное: Мира ведь снова шагала по поверхности, она могла справиться и так!

И тут существо повело себя неожиданно... Вряд ли оно это продумало, скорее, поддалось приступу ярости. Усилия кочевников ведь тоже не были напрасными, вблизи Мира смогла разглядеть, что руку существа покрывают кровавые раны.

Только вот Мире это не помогло. Она оказалась жертвой ярости мутанта, который, похоже, отчаялся хоть что-то получить от своей вылазки и теперь просто нападал. Скванная условиями космоса и громоздким скафандром, она не сумела увернуться... никто бы не сумел. И когда существо все-таки ее ударило, Мира, лишенная страховки, полетела в пустоту.

На этот раз спасения не было. Она не просто отдалялась от станции, она двигалась в худшем направлении из всех возможных – к двигателю! Мира, как замороженная, уставилась на бело-желтое сияние, от которого шлем пытался отчаянно ее спасти, затемнив стекло до предела.

Наверно, нужно было шевелиться, делать хоть что-то... А она не видела смысла. Мира с холодным, пронизывающим отчаянием поняла: она ничего не сможет. Даже призвать ликвидатора, скафандр будто сковывал ее! Но если бы она смогла... Что сделал бы ликвидатор? Что значит вся его сила, когда в противниках у него Сектор Фобос?

Состояние было странное: вместо ужаса, на который она имела полное право, какая-то горькая обида. Мира не хотела, чтобы все заканчивалось так, отчаянно не хотела, но собственная жизнь от нее уже не зависела. Она утешала себя лишь одним: это будет быстро.

Скафандр вывесил на стекло так много полыхающих красным предупреждений, будто верил: если он будет настаивать, Мира обязательно свершит чудо и спасется, а так она просто ленится! А ее беспомощная необходимость принимать свою судьбу добивала быстрее любой боли. Мира почувствовала, как обожгло глаза, и предупреждения задрожали в мутной пелене слез. Она зажмурилась, чтобы не видеть, не знать, позволить финалу застать себя врасплох...

Но вместо нарастающего жара пришел резкий рывок назад, настолько сильный, что Мира невольно решила: существо все-таки добралось до нее! А это хуже, намного хуже... Если ей суждено было погибнуть, она предпочла бы просто раствориться в космосе, но не стать добычей бесформенной твари. Мира инстинктивно задергалась, пытаясь освободиться, и тут же получила окрик из динамика шлема:

- Мира, успокойся, ты мешаешь тебя спасти!
- Сатурио? – пораженно прошептала она. – Ты?..
- Разумеется, или ты от ужаса забыла, что была там не одна?
- Нет, я просто думала, что ты меня не спасешь...

От шока она ляпнула то, о чем не следовало бы говорить, тут же смутилась, но Сатурио, к счастью, пояснений не потребовал. И это к лучшему, ведь она никак не смогла бы ему объяснить свою уверенность в том, что он не станет спасать ликвидатора!

Кочевнику сейчас и вовсе было не до болтовни. Да, он был силен и обучен проводить спасательные операции. Так ведь это не тренировка, условия тут – хуже некуда! Сатурио было бы трудно, даже если бы он оказался здесь один, а ему приходилось вытаскивать еще и Миру. Ей же оставалось лишь висеть мертвым грузом, и это было так унижительно... Она ведь хотела ему помочь, повлиять на свою судьбу! Но не могла, ее жизнь только от него и зависела.

Сатурио не ныл и не жаловался, он действовал. У него получилось развернуться, полыхающий двигатель остался у них за спиной, Мира снова увидела люк. Там пока в одиночку сражался Тодорус – и вполне успешно! Кочевник сменил оружие, использовал винтовку средней мощности, и она наносила существу заметный урон: каждое попадание отсекало от руки внушительный кусок плоти.

Это отвлекало существо и позволяло Сатурио использовать дополнительный трос – длиннее и опаснее. Этот не крепился к специальным кольцам, он считался аварийным и использовал магнитную базу. В ситуации, когда нужно очень быстро спасти улетающего в космос человека, схема оправданная. Но не в том случае, когда монстр совсем близко бьет наугад!

Сатурио ее не просто спас. Он сделал это, зная, что мог погибнуть – и имел право отказаться от миссии! Это допустимо, если риск для спасающего больше, чем вероятность успешного спасения. Но он предпочел поставить на кон все, даже зная, что она ликвидатор, помня о том, что она сделала... Этого Мира понять не могла, как ни старалась, но вырываться и гордо принимать смерть она не собиралась. Какое там! Когда до нее дошло, что смерть не обязательна, что она еще может выжить, она прижалась к кочевнику всем телом, надеясь, что это хоть немного облегчит ему задачу.

Так или иначе, Сатурио справлялся – и его брат тоже. Существо, получившее целую коллекцию рваных ран, уже явно было не радо, что высунулось. Оно пыталось отступить, но кочевник не позволил, не так просто так точно. Он стрелял в одну точку снова и снова, пока кисть руки не оторвалась. Тодорус еще и ударил по ней, направляя в сторону двигателя, чтобы от этой мерзости точно ничего не осталось! А искалеченные остатки руки-щупальца скользнули обратно в тоннель, существо затаилось. Скоро оно начнет получать новую «пищу», уgomонится, они добудут себе еще несколько часов покоя... Может, даже дней!

Но часы пройдут и дни кончатся, а с ними останется главный вопрос.

Что же делать дальше?

По доброй воле Кеннет никогда к мозгоправам не ходил, и раньше он был убежден, что нет обстоятельств, способных довести его до такого. Со своими мыслями он мог разобраться сам, спасибо большое! Да и в силу таблеток не верил, а болтовня – это и вовсе не метод лечения. Что еще могли дать ему психологи?

Сейчас ему предстояло это проверить, потому что Кеннет чувствовал: он не справляется.

Ия была рядом с ним все чаще и чаще, только это больше не приносило радости. Он не контролировал появления ее образа, а главное, она не была такой, какой он ее помнил! Она стала мертвой... Но почему? Худшее, что он помнил о ней, – слезы в день, когда она провожала его на задание! Однако теперь Ия мелькала в его воспоминаниях не заплаканной, а избитой до черных синяков, до кровавых ран... Причем травмы всегда оказывались одинаковыми.

Быть может, это какая-то связь через пространство? Он ведь любил Ию, очень любил! Кеннет никогда не верил в мистику, так ведь он лично наблюдал, какие странные штуки уже произошли в Секторе Фобос! Что, если это очередная местная кракозябра? Их станция проходила через пролом в пространстве или что-то типа того... Вдруг точно так же может открываться портал для мыслей? Ия на самом деле в опасности, она избита, она его зовет? А он

не может к ней прийти! О том, что она умерла и вернулась к нему призраком, Кеннет боялся даже думать.

Ну и конечно, был еще Джулиан... Кто-то по имени Джулиан. Кеннет уже не сомневался: такой человек действительно есть, они встречались... Только вот теперь он никак не мог вспомнить, где и когда, да и лицо этого загадочного Джулиана отказывалось подчиняться его памяти.

Отчаявшись разобраться во всем сам, Кеннет отправился в отдел психологов. Он там никогда не был – но как будто так сложно посмотреть схему станции и получить нужное направление! Ему доводилось слышать, что другие солдаты к мозгоправам уже обращались. Их распределяли между этими любителями поболтать, кому-то даже помогали... Или солдаты говорили, что это им помогло, иначе их обращение за помощью выглядело бы совсем нелепо.

Теперь по этому пути предстояло пройти Кеннету. Он ожидал, что его отправят к какому-нибудь мелкому докторишке, а его неожиданно приняла глава отдела. Это было странно... Или не очень. Этаж пустовал, похоже, многим досталось. Кеннет только сейчас понял: он понятия не имеет, сколько мозгоправов осталось в живых после захвата.

Так что его приняла сама Ида Толладоттир, и ему это не нравилось. Она была совсем не похожа на ту милую, внушающую доверие тетку, которых показывали обычно в кино. Да и потом, Ида лично общалась с его начальством... Что, если она доложит и Кеннета отстранят от службы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.